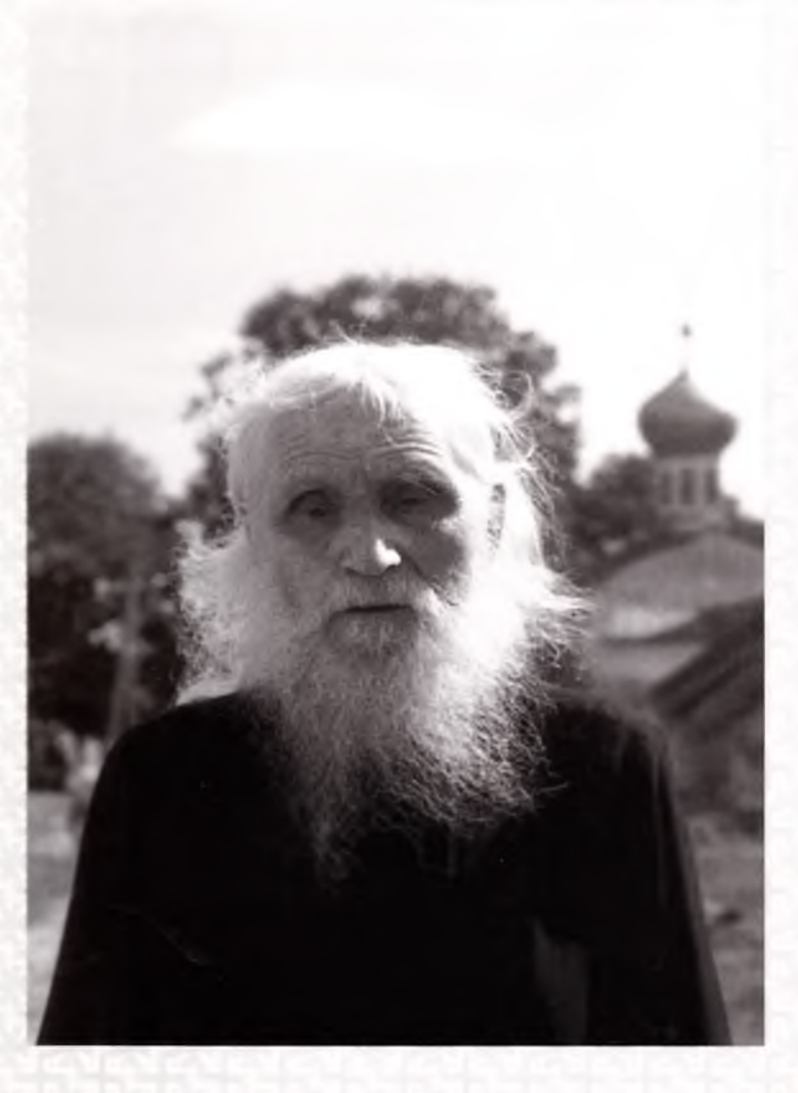

ЛЮБОВЬ, КО ГОСПОДУ ВЕДУЩАЯ

Старец Николай Гурьянов

Любовь, ко Господу ведущая

Старец Николай Гурьянов

Издание третье, исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
Искусство России
2010

Одобрено Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Любовь, ко Господу ведущая. Старец Николай Гурьянов. Автор-составитель Л. А. Ильюнина. Издание третье, исправленное и дополненное. СПб., 2010, — 128 с., илл.

ISBN 978-5-98361-102-3

Жизнеописание старца Николая Гурьянова[1]

Проходят годы со дня переселения в блаженную вечность старца Николая Гурьянова, но память о нем не пресекается временем. Появляются все новые и новые воспоминания о батюшке, которые греют сердце и так же, как это было при встрече с ним в земной жизни, утешают, — как будто он подает нам весточку, обнадеживает, радует.

Мы[2] взяли на себя труд сделать тематические выборки из опубликованных воспоминаний о старце и добавить к уже издававшемуся в составе книги «Остров Божественной любви»[3] жизнеописанию старца Николая главы о прозорливости, чудотворениях, юродстве и о посмертном почитании старца, а также сделать некоторые дополнения к первоначальному тексту.

Предварим наше жизнеописание портретом старца, который не только сохранен во

---

[1] В Жизнеописание внесены значительные дополнения из книги Игоря Изборцева «В руце Твои, Господи». О тех, кто идет впереди нас. Издание Единецко-Бричанской Епархии, 2006. С. 42 – 122. Благодарим автора за разрешение воспользоваться его биографическими изысканиями.

[2] Местоимения в множественном числе здесь и далее употребляются не как дань стилю, но сознательно — так как действительно книга не является чисто авторской, она — плод трудов очень многих людей, которым составитель приносит сердечную благодарность. Да помилует вас Господь молитвами старца Николая.

[3] Остров Божественной любви. Протоиерей Николай Гурьянов. СПб., Ладан-Троицкая школа, 2008.

множестве любительских и профессиональных фотографий, а также в видеозаписи, но и с любовью запечатлен в слове.

Именно слово может выразить тайну и тишину, которые охватывали душу при встрече со старцем. Тайна была в надмирности подвижника. Старец мог предстать перед людьми как «ветхий деньми», особенно когда выглядывал из окошечка своего домика или появлялся на пороге, — казалось, что пришел он из прошлых тысячелетий, таким древним, величественным был его облик. Но тут же батюшка начинал шутить, быстро убегая от посетителей, и в ответ на высокие мысли сказать: «Я ребенок, вот и играю!»

Все знали, что у батюшки больные ноги, — он ходил, опираясь на палку, но сколько сохранилось свидетельств о том, что за батюшкой было не угнаться, когда он бежал (чаще всего паломники говорят: «Будто летел») по острову! «Сила Моя в немощи совершается»!

От батюшки исходили свет и тепло, и всегда чувствовалось неземное происхождение этой силы, освещающей и согревающей души людей. А внешне он был необычайно скромен. Ходил всегда в стареньком выцветшем подряснике, в такой же скуфеечке, а в то время, когда еще путешествовал — уезжал с острова для встречи с духовными чадами и друзьями, — его видели в стареньком беретике, иногда в маминой кофте поверх рясы и плащике, калошах. По острову батюшка зимой ходил в валенках, а руки всегда были открытыми, даже

когда на морозе он часами помазывал паломников «иерусалимским маслицем».

Весь облик батюшки был поучителен, его благословение действенно, и «не ищущие своего», по слову апостола Павла о божественной любви, паломники, находясь рядом со старцем, могли бы воскликнуть: «Для меня достаточно того, что я сподобился видеть вас!»[1]

«Облик батюшки трудно описать словами. Это удивительная чистота, свет и доброта. Необыкновенная любовь. Необыкновенная святость. И необыкновенный голос. "Ну, до свиданья, дорогие мои, Ангела Хранителя!" — благословляя всех, произносил батюшка таким голосом, забыть который просто невозможно».[2]

Говорил батюшка мало (недаром любил пословицу: «Слово — серебро, а молчание — золото»), но любил петь, пел у себя в домике, аккомпанируя себе на фисгармонии, любил попеть с народом, часто читал духовные стихи. И как будто одни и те же песни и стихи все время повторял батюшка, а смысл их открывался по-новому для разных людей.

Батюшкино совершенство выражалось даже в дикции — когда он говорил, был ясно различим каждый звук. Хотя часто он намеренно начинал говорить на непонятных для людей языках, или на языке, понятном только кому-то одному из паломников.

---

[1] Эти слова сказал один из посетителей прп. Антония Великого в ответ на его вопрос, почему он, в отличие от других, у него ничего не спрашивает.

[2] Боже, зри мое смирение. М., Ихтиос, 2004. С. 117.

Как сказала одна из духовных чад батюшки: «Вокруг него все было возвышенно и гармонично. Все в его окружении было другое, чем в нашей обыденности, все дивно и трепетно».

Но узреть эту гармонию могли только духовные, а не телесные очи. Потому что телесным очам представлялась совсем другая картина: «У отца Николая окна в комнате были закрыты наглухо, он не видел дневного света из своей комнаты. Свет был только на кухне. Батюшка же молился в комнате, в которой не было света солнечного, не было воздуха».[1] *Но и эта тяжелая картина могла служить поучением, тот же паломник пишет: «Для нас это стихийное бедствие, настолько мы привыкли к комфорту... Хотя у старца Николая не было солнечного света, но в нем самом горел Божественный свет — от молитвы и смирения. И он, как древний святой в патерике, мог сказать: "Не вставай, солнце! Ты мне мешаешь зреть Божественный свет!"»*

Сам батюшка не любил, когда его так превозносили. Однажды, провожая паломников, сказал: «Я вам сейчас свою фотографию подарю». И вынес шоколадку: на обложке медведь на цирковом шаре во весь рост. — «Вот это моя фотография», — сказал батюшка, вкладывая в руки подарок. И еще проговорил: «До свиданья, не забудьте моего страдания».[2]

---

[1] *Архимандрит Кенсорин.* В книге «Жил на острове подвижник». М., 2009. С. 48.

[2] Боже, зри мое смирение. С. 48.

Часто батюшка спрашивал: «А ты меня помнишь?»

И теперь понятно, что память о старце значит больше, чем только память об одном из угодников Божиих, — это постоянное напоминание о жизни по евангельским заповедям, это память о Вечности, в которую мы все будем призваны.

Молитвами приснопоминаемого старца протоиерея Николая Гурьянова да сохранит и помилует нас всех Господь.

Годы детства и юности

Протоиерей Николай Алексеевич Гурьянов родился 24 мая 1909 года (по иным сведениям — 26 мая 1910 года) в селе Чудские Заходы Гдовского уезда Санкт-Петербургской епархии. По преданию, Гдов, в просторечии Вдов, был уделом вдовствующей княгини Ольги. На этой поистине многострадальной земле почти никогда не прекращалась война. Помнит Гдовщина дружины святого Александра Невского и Иоанна Грозного, Петра Первого и героя Бородина графа П. П. Коновницына. Боевые стены Гдовской крепости окружают главную святыню — собор во имя иконы Божией Матери «Державная». Это первый храм на Руси с таким посвящением, построенный после 1917 года. Он построен на фундаменте храма XVI века, взорванного в 1944 году. Погибший храм был в честь покровителя воинов — великомученика Димитрия Солунского.

Путник, нашедший дорогу в Гдовскую крепость, проникается видом глубокой таинственной древности всей этой земли.

Господь судил великому духовному ратоборцу двадцатого века старцу Николаю Гурьянову родиться именно в том месте, где испокон века решалась судьба нашего Отечества. Село Кобылье Городище, где стоял храм, в котором крестили будущего старца и с которым связаны годы его детства и юности, — особенное в истории Руси. Неподалеку отсюда произошло знаменитое Ледовое побоище.

Церковь в честь Архистратига Божия Михаила в Кобыльем Городище была построена в 1462 году. Предание гласит, что именно Архангел Михаил покровительствовал в сражении ратникам Александра Невского и что именно он помог им, рассеявшимся по окрестностям, на следующий день после битвы собраться воедино и дружно двинуться в Псков.

С раннего детства маленький Коля Гурьянов прислуживал в алтаре в историческом храме Михаила Архангела. Любовь к храму и к церковному пению была присуща всем членам их семьи: его отец, Алексей Иванович, был регентом церковного хора; старший брат, Михаил Алексеевич Гурьянов, — профессором, преподавателем Санкт-Петербургской консерватории; средние братья, Петр и Анатолий, также обладали музыкальными способностями, но о них осталось мало сведений. Все трое братьев погибли на войне. Батюшка так вспоминал об этом: «Отец у меня умер в четырнадцатом году. Осталось нас четверо

мальчиков. Братья мои защищали Отечество и от фашисткой пули, как видно, не вернулись... Благодарите Отца Небесного, мы живем теперь, у нас все есть: и хлеб и сахар, и труд и отдых. Я стараюсь вносить в Фонд Мира ту копеечку, которая помогает избавиться от этих военных действий... Война ведь пожирает молодые жизни. Не успел человек открыть дверь в жизнь — уже уходить...»

Существует предание, что отец Николай побывал на о. Залита (в ту пору Талабске) еще в отроческом возрасте. Рассказывают, что примерно в 1920 году настоятель храма Архангела Михаила, в котором отрок Николай работал алтарником, взял мальчика с собой в губернский центр. Добирались водным путем и на острове Талабск пристали отдохнуть. Пользуясь случаем, решили посетить подвизающегося на острове блаженного. Звали его Михаилом. Был он болящим, всю жизнь носил на теле тяжелые вериги и почитали его как прозорливца. Говорят, что блаженный дал священнику маленькую просфору, а Николаю — большую и сказал: «Гостек наш приехал», предсказав ему таким образом будущее многолетнее служение на острове. Отец Николай, поселившись на острове прямо напротив кладбища, постоянно навещал место вечного упокоения блаженного Михаила, приглашал паломников помолиться у креста над дорогой для него могилой.

С 1910 года епископом Гдовским, викарием Санкт-Петербургской епархии, был будущий священномученик — Митрополит

Вениамин (Казанский). По сути дела, он заменил мальчику отца, который умер, когда Коле было всего лишь пять лет. По воспоминаниям старца, записанным близкими людьми, он часто бывал в семье Гурьяновых и даже останавливался у них на ночлег. Прислуживая Владыке за богослужениями, мальчик впитывал в себя духовную мудрость и мужество святителя и однажды услышал от него: «Какой ты счастливый, что ты с Господом...» — и получил в благословение архиерейский крест, который потом всю жизнь хранил как величайшую святыню.

Слова Митрополита Вениамина были напутствием на долгий путь. Всю жизнь, во всех ее испытаниях подвижник, угодник Божий Николай Гурьянов был с Господом — это было его счастьем, смыслом земного странствования, глубиной его внутреннего человека. И всю жизнь он нес крест молитвенного предстояния за многих и многих людей, подобный кресту архиерейскому.

Владыку Вениамина старец Николай чтил как наставника, и особенно радовался его официальному прославлению в Соборе святых и тому, что в главном гдовском соборе после этого события один из приделов освятили в честь священномученика Вениамина, признанного небесным покровителем Гдовского края, то есть тех мест, где начиналась и где окончилась жизнь старца.

Уже в детские годы Колю Гурьянова называли «монахом». Духовные чада записали рассказ старца о его блаженном детстве:

«Меня в детстве все "монахом" называли. А я рад, я действительно монах. Никого, кроме Господа, не знал и не искал... У меня своя келия была, так и называли: не комната, а келия. Иконочки везде стояли, молитвословы, книги духовные, огромные царские портреты. Однажды, когда красные бушевали, в окно влетел снаряд и упал возле царских портретов, но не разорвался: вот как меня Царские Мученики с детства хранили; а я как их любил! Даже сердце останавливалось, как только думал о них!..»

Среди детей, сверстников Коли Гурьянова, были не только те, кто насмехался над ним, но и его единомышленники. Старец сам об этом рассказывал: «И что это было у меня? Все время о Господе думал, говорил и беседовал с Ним. Место наше, Чудские Заходы, больше эстонцами населенное. Так вот еще мальчонкой соберу их всех — Луззи, Магда, Сальма, Эдвард — и говорю: "Давайте с крестным ходом пойдем!" Возьмем кресты, иконы. Так и ходили, а я впереди шел и пел на эстонском: "Иссэнт хэй да арму" — "Господи, помилуй"... А потом, когда оставался один, пробирался в баню, прихватывал с собой накидушку с подушек, покрывал ею плечи и начинал служить литургию. Даже кадило сам делал. И плакал, славя Господа. Всегда любил ночную молитву, потому что среди ночи Небеса отверзаются и Ангелы внемлют...»

Уже в раннем детстве дороже всего для юного подвижника было уединение. Старец рассказывал: «С детства любил я бывать на

кладбище. Думал о смерти и будущем Суде Божием. Молился и плакал об усопших».

Главным воспитателем и духовным другом юного подвижника была его мама, которую он после ее блаженной кончины назовет святой. Она научила его молитве, научила постоянному предстоянию пред Господом. Об этом свидетельствует то, что уже в юные годы отрок часто вопрошал мать: «Мама, а это не грешно? Это Господу угодно?» Научила она и любви ко всему живому, которой особенно отличался старец Николай. «Я ведь с шести лет голубей кормлю, мамушка говорила, что они Бога благодарят», — говорил батюшка, всегда окруженный стаей голубей во дворе своего домика на острове. Также с мамой они всегда держали в доме котов, и они были как члены семейства, старец даже мог назвать своего котика «сынок».

Екатерина Стефановна Гурьянова, в девичестве Крылова, была ангелоподобным человеком, как говорили те, кто встречал ее в годы жизни на Талабском острове. Она одна подняла и воспитала четырех сыновей после ранней смерти мужа. Старец Николай часто вспоминал пророческие слова своего отца, однажды сказанные им за домашней трапезой. Указывая на младшего сына, он сказал жене: «Вот этот тебя доглядит». Так и вышло — вскоре отошел в вечность сам Алексей Иванович, трое старших сыновей погибли «за други своя» на полях Великой Отечественной.

Мать свою до конца дней старец называл ласковым словом «мамушка»: «Мамушка

у меня была блаженная, разговоров не любила, больше молчала и беседовала с Господом мысленно, никогда с Евангелием не расставалась. Была очень религиозной и любила клиросное пение».

Но даже глубоко верующей матери было тревожно от того исповеднического настроения, которое ее сын стал проявлять в детские и юношеские годы, пришедшиеся на начало революционной смуты. Этот исповеднический дух был внушен Николаю Гурьянову Самим Господом.

По рассказу одной из первых помощниц старца Николая на острове — монахини Рафаилы, однажды он сам открыл ей это: «В ранней юности, когда я направлялся на вечернюю встречу с друзьями, у гумна с пшеничным зерном я увидел сидящего Господа нашего Иисуса Христа... И Он мне сказал: "Никогда не ходи на гуляния!"» А далее матушка свидетельствует: «Батюшка был избран Богом с малых лет... С тех пор возлюбил он Крест Христов, и этой любовью, как святыней, делился с друзьями». Добавим к этому, что в годы старческого служения на острове старец Николай часто в ответ на вопрос: «Как жить, чтобы спастись?» — пел или читал тропарь Кресту Господню: «*Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим».*

Существуют свидетельства о том, что в девятилетнем возрасте в день крестных страданий Царственных Мучеников ему было открыто (мы не знаем как — во сне или в тонком видении) то, что происходило в подвале

Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. В этот день мальчик встретил свою мать-молитвенницу Екатерину Стефановну со словами: «Мама! Мама! Царя убили! Всех! И Царевича! Страшно накажет их Господь, окаянных, что Царя загубили, всех накажет!» В последние годы своей жизни старец рассказывал, что тогда ему были открыты и страшные подробности мучений Царской Семьи. Потрясение от данного ему откровения породило в душе отрока любовь к Царственным страдальцам, благоговение и покаяние перед ними, которые он пронес через всю свою жизнь, к чему призывал и приходивших к нему за советом уже на исходе лет. В году мученической кончины Царской Семьи семье Гурьяновых пришлось непосредственно соприкоснуться революционной стихией. Художнику П. Оссовскому старец однажды рассказал: «В 1918 году у нас в избе был штаб красных. Я даже помню пулеметы "Максим". Как-то ночью налетели бандиты, открылась страшная стрельба, зазвенели разбитые пулями стекла. Налет отбили, все были целы, никого не убило. А под моей кроватью нашли гранату неразорвавшуюся».[1]

Так Господь всегда хранил Своего избранника от преждевременной смерти.

Но мама опасалась, что откровенные слова и мысли сына навлекут беду на всю семью. Зная его послушание, она попросила учительницу словесности Любовь Николаевну

---

[1] Жил на острове подвижник. С. 374.

Микиткину (у батюшки сохранилась ее фотография, видимо, он ее почитал) поговорить с Николаем. В ответ на совет молчать юноша сказал: «Если все будут молчать и никто не будет говорить о Боге, все умрут!» А учительницу просил: «Прошу вас, говорите о Боге и Царе. Вам, учителям, грешно молчать, и если вы не будете веровать, то будете тяжело болеть».

Это высказывание объясняет, почему Николай Гурьянов решил избрать для себя учительскую профессию и по окончании школы поступил учиться в Гатчинский педагогический техникум, а потом в Пединститут в городе на Неве.

Вероятно, эта же учительница словесности заронила в душу юноши особую любовь к слову, к поэзии. С юных лет Николай Гурьянов записывал полюбившиеся ему стихи в особую тетрадку, которая потом стала основой

его заветной книги, получившей название «Слово Жизни». В годы старческого служения на острове батюшка благословлял чаще читать детям хорошие стихи, ибо они «умягчают сердце». При этом прибавлял: «Некоторые стихи — как молитва, и человек, читая их, беседует с Господом, а потом полюбит саму молитву, его будет тянуть к ней, чтобы покаяться перед Творцом». Сам батюшка всю жизнь записывал свои молитвенные переживания в поэтические строфы, их он тоже включил в книгу «Слово жизни», о которой речь впереди.

Выскажем здесь одно предположение. В то время, когда Николай Гурьянов учился в Гатчине, еще была жива преподобномученица Мария Гатчинская, к которой за советом и утешением притекали многие люди. Известно, что к матушке приезжал и духовный отец будущего старца — священномученик Вениамин. Потому думается, что, находясь в непосредственной близости к такой великой подвижнице (она приняла мученическую кончину в 1932 году), тот, кто с раннего детства старался «приникать к святости», обязательно побывал у блаженной старицы Марии. Может быть, получил от нее совет, как вести себя в атеистическое время. Сама матушка была исповедницей, к тому же подвигу привлекала и тех, кто с ней соприкасался.

Получая профессию учителя, Николай Гурьянов явно готовил себя к исповедническому служению. На это его вдохновил подвиг духовного отца — Митрополита Вениамина (Казанского) и, как мы предполагаем, жизнь

и духовный облик преподобномученицы Марии Гатчинской.

После мученической кончины святителя в 1922 году четырнадцатилетний Николай написал сугубую ектенью, которую он возносил Господу всю свою жизнь. В нотной тетради батюшки под этой ектеньей его рукою было написано: «Светлой памяти духовного отца Митрополита Вениамина. 1922 год».

Исповеднический путь

По словам старца, записанным духовными чадами, причиной ареста было его смелое слово в защиту веры и поруганных святынь. В конце двадцатых годов в городе, получившем имя главного революционера, стали разрушать храмы. Николай Гурьянов однажды оказался свидетелем этого святотатства и не мог смолчать: «Что вы делаете? Ведь это храм, святыня. Если вы не уважаете святого, поберегите хотя бы памятник истории и культуры и подумайте о Божием наказании, которое за это будет!»

Студента Гурьянова вскоре исключили из института. Это был 1929 год — начало особо яростной борьбы с «религиозной пропагандой». Николай покинул город на Неве и какое-то время служил псаломщиком в церкви во имя святителя Николая в селе Ремда Середкинского района Псковской (тогда Ленинградской) области на родной Гдовщине и преподавал математику, физику и биологию в школе.

Те пожелания, которые он когда-то высказал своей любимой учительнице, он сам стал исполнять на поприще учительского служения — и вскоре был арестован. Начались мытарства: питерские «Кресты», потом еще три тюрьмы, лагерь.

По словам старца, неизвестный архиерей, встреченный им в тюрьме, сказал про него: «Вот цветок только распустился — сорвали и топчут его в грязь...»

«Так было с нашей Святой Русской Православной Церковью, — говорил батюшка, всегда со слезами вспоминая страдания миллионов людей, — ее распинали». Теперь эти муки народа получили название «Русской Голгофы».

О тех страшных годах батюшка рассказывал только самым близким: «Люди исчезали и пропадали. Расставаясь, мы не знали, увидимся ли потом. Мои драгоценные духовные друзья! Все прошло! Я долго плакал о них, о самых дорогих, потом слез не стало... Мог только внутренне кричать от боли... Ночью уводили по доносам, кругом неизвестность и темнота... Страх всех опутал, как липкая паутина, страх. Если бы не Господь, человеку невозможно вынести такое... Сколько духовенства умучено, архиереев истинных, которые знали, что такое крест, и шли на крест... Как они плакали, что все не сберегли Царя! На моем пути жизни я имел благодатных друзей... Идешь по снегу, нельзя ни приостановиться, ни упасть... Дорожка такая узкая, ноги в колодках. Повсюду брошенные трупы заключенных

лежали непогребенные до весны, потом рыли им всем одну могилу. Кто-то еще жив. "Хлеба, дайте хлеба..." — тянут руки». Батюшка протягивал ладонь, показывая, как это было, приоткрывал ее и говорил: «А хлеба-то нет!» Потом плакал и долго молчал, молился.

Еще говорил: «Бывало, весь день работаешь, работаешь на холоде, а хлеба дают (и показывает: делит одной ладонью другую пополам) за весь день. И все, знаете, хочется с птичками поделиться».

Он помнил всех умученных, помнил их страдания, молился за всех, показывал фотографии духовных друзей. И потому на всю жизнь в глазах старца застыла немая скорбь, даже когда он мирно разговаривал с паломниками, когда разрешал себя фотографировать, — его глаза были печальны.

Сам батюшка прошел в лагере через страшные страдания — несколько раз был на краю смерти. Однажды его придавило вагонеткой, в другой раз уронили на ноги тяжелый рельс и покалечили ступни. С тех пор, как говорил батюшка, ноги его едва держали. А сколько батюшка потом на этих больных ногах выстоял литургий, сколько принял людей, часами стоя у калитки своего домика! Самым страшным испытанием была пытка, подобная той, которую претерпели мученики Севастийские, — долгое стояние в ледяной воде. Эту пытку пережил только великий молитвенник — избранник Божий Николай, все остальные страдальцы скончались. Батюшка открыл духовным чадам, что его «согревала

молитва Иисусова», и он не чувствовал холода. Он часто говорил: «Я холод люблю и не чувствую его». Батюшка всегда ходил легко одетый, в любой мороз, никогда не кутался.

Не любил прилюдно батюшка рассказывать о лагерных испытаниях, потому что сердце разрывалось от воспоминаний о человеческих страданиях. Но в стихах, написанных как Реквием по умершим,[1] он выразил чувства многих лагерников — их муку тяжкую и молитвенный вопль. Стихотворение он назвал «В тридцатых годах XX века» и дал ему подзаголовок: «Автобиография».

К Тебе, О Мать Святая,
Я, бедный раб грехов,
Со скорбью и слезами
Пришел под Твой Покров.

....
Изгнали меня люди
Из России вон,
Оставил мать родную,
Друзей и Отчий дом.

Я выслан в даль иную,
Там много лет отбыть —
Мне дали вольну ссылку:
Где хочешь, можно быть.

---

[1] Есть сведения, что отец Николай лично знал и любил поэтессу Анну Ахматову, недаром он включил в свое «Слово Жизни» стихотворение Я.Смелякова на смерть Ахматовой. Вероятно, знал он и проникновенный ахматовский «Реквием» — плач по всем замученным на Русской Голгофе.

Теперь всего лишен я,
Посаженный в тюрьму,
Досада, горе, голод,
Терпеть уж не могу.

Решетка, стены толсты —
Все надоело мне,
И день за днем жду воли,
Но не дождаться мне.

Увы! Я вновь в изнаньи,
В стране снегов и льда,
Где с людом обреченным
Покорный раб труда.

В Полярье путь железный
Готовим проложить,
Облегчить жизнь крещенным —
Страну обогатить.

Физически устали,
В зарях недуг слепит,
От скудости питанья
Нас смерть косой разит.

Прошу, Святая Дева,
В несении Креста,
Для славы Божьей Церкви
Спаси, спаси меня!

Стихотворение это оказалось пророческим. Батюшка действительно стал «славой Божьей Церкви»!

А в лагере, по словам старца, он был «всегда горячий в вере, что бы ни делали. В лагерях, в тюрьмах — всегда радовался, что с Богом.

Батюшка говорил, что ему были открыты будущие военные испытания, которые, по словам многих подвижников, явились наказанием за отступничество народа от Бога.

Военные годы и начало священнического служения

После заключения Николай Алексеевич Гурьянов учительствовал в Тосненском районе под Ленинградом. А во время войны был перемещен в Прибалтику — сначала в Ригу, потом в Вильнюс. Здесь произошла его встреча с будущим новомучеником — митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским). От него 8 февраля 1942 года батюшка принял рукоположение во диакона, а вскоре, в том же месяце, во иерея.

В городе Вильнюсе батюшка поступил в Духовную семинарию, проживая в это время в Свято-Духовом монастыре. С этим временем связаны самые загадочные страницы его жития. Сохранилось несколько фотографий, на которых он запечатлен в монашеском облачении. Существуют разные объяснения этого факта в воспоминаниях насельников монастыря. Одни из них говорили о том, что он принял полный постриг в мантию, хотя на всех вышеназванных фотографиях батюшка запечатлен в рясе. По воспоминаниям других (главной свидетельницей тут является тогдашняя игумения монастыря Нина (Баташева), рассказала она об этом пюхтицкой игумении

Варваре) — монашеское облачение, приготовленное к постригу, сгорело во время бомбежки в том доме, где оно хранилось. И батюшка больше к постригу не стремился, считая случившееся знаком того, что воли Божией на его пострижение нет. Как бы то ни было, мы знаем одно — разным людям уже в конце жизни батюшка говорил: «Зовут меня Николай. Молитесь за митрофорного протоиерея Николая». И подписывался всегда так: «протоиерей Николай».

Пожалуй, не так уж и важно, принял ли батюшка постриг от руки земного человека или не принял, ведь по духу он был всегда истинный монах, выполнял все монашеские обеты — целомудрия, нестяжания, послушания. И недаром свою священническую жизнь он начинал в двух монастырях, недаром потом по его молитвам были открыты многие обители и у него окормлялись настоятели монастырей и многие монашествующие. Кроме того, батюшка нес еще и подвиг юродства Христа ради, а среди юродивых немного мы найдем монашествующих, это подвиг особенного чина.

В Вильнюсском Свято-Духовом мужском монастыре отец Николай был уставщиком и пел на клиросе. В июле 1943 года он получает назначение на приход Гегобросты Поневежеского благочиния. Здесь ему суждено было прослужить 15 лет.

Прихожане первого прихода батюшки в Гегобростах оставили нам бесценные воспоминания. В них батюшка предстает перед нами как

подлинно народный пастырь. В воспоминаниях ценны простые бытовые сценки: проломился пол в храме, надо делать ремонт, а прихожане — одни «платочки», мужчин нет. И вот батюшка идет в военную часть, которая неподалеку, в тот момент, когда солдаты на отдыхе, и говорит просто: «Ребятки, помогите мне». И эти, в основном неверующие, солдатики и их начальство (которое по тем временам очень рисковало) помогают отцу Николаю в считанные часы отремонтировать пол в храме. А вот привычные «сцены народной жизни» — гулянье на праздник — с вином, песнями и плясками. Отец Николай приходит на праздник и всё вокруг умиротворяется. Вместе с прихожанами отец Николай сажал деревья, участвуя в их простой деревенской жизни, сам много трудился на земле. Благословлял детей на учебу, юношей на служение в армии, молодых на брак, провожал в последний путь усопших. О старце Николае, каким он описан в воспоминаниях старых прихожан, можно сказать словами духовного стиха «Молитва пастыря»:

Когда с печалию сердечной
Молюсь о паствы я грехах
И перед Благостию Вечной
Стою с слезами на глазах, —

Когда со страхом я взираю
На Тело Господа и Кровь —
Тогда молю и призываю
Христову к людям всем любовь:

Помяни «плодоносящих»
«Во святых Твоих церквах»
И людей «добротворящих»
Всюду, «в пропастях», «в горах»,
И «в пустынях», жарких, знойных,
И «вертепах» диких гор,
Где не слышно пташек вольных,
Где сверкает львиный взор...

....
Помяни! На всех людей,
Кто к Тебе взывает, Боже,
Благость щедрую излей...
И кого мое прошенье
Так легко могло забыть, —
Я молю долготерпенье
Твое благостным к тем быть.
Имя каждого, потребу —
Мог ли я воспомянуть?
Кто взывает, Боже, к небу,
Для тех «Сам и все» Ты будь.

В годы служения в Гегобростах к отцу Николаю ездил тогда семинарист, потом молодой священник, а теперь повсеместно известный протоирей Иоанн Миронов, настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша» при заводе АТИ в Санкт-Петербурге. В своих воспоминаниях он свидетельствует о подвижничестве и мудрости батюшки.

«В католическом и лютеранском окружении жилось, кончено, нелегко, но батюшка покрывал всех любовью. Припоминаю такой случай. Однажды я приехал к отцу Николаю.

Только сели за стол, вдруг в окно стучат, милостыню просят. Батюшка им подал что-то, пригласил чайку попить. Я ему говорю: "Какие же это нищие — с золотыми зубами?" А он мне ласково: "Я знаю. Это местный ксендз послал их разведать, кто ко мне приехал, о чем разговаривают..." Батюшка улыбнулся, никого не осудив. Частенько окружали его хитрые люди (до самого конца жизни), а он покорял всех простотой.

Любовью и простотой спас батюшка от закрытия Никольский храм. Пришли к нему из НКВД решительно настроенные люди и говорят: "Поступили сведения, что вы против колхозов выступаете, паству против советской власти агитируете". Здесь нужно упомянуть, что отец Николай любил все живое. У него на кухне свила гнездо ласточка, и он ее оберегал. Так вот, показал отец Николай на ласточку и отвечает: "Как я могу препятствовать такому серьезному делу, когда даже малую пташку не могу тронуть. Ваше дело — государственное, мое — духовное". И такие простые слова возымели действие, что ушли они успокоенные и храм не тронули».

По воспоминаниям первых прихожан батюшки, он стал «пастырем добрым» не только для их прихода, но и для жителей всей округи на много километров вокруг. «Отец Николай старался как можно скорее побывать в каждой избе, святой водой окропить все жилища. Не раз ему приходилось брести по снежным зимним сугробам, бороться с ледяной вьюгой. Он шел не только по своей

деревне, но также старался побывать везде, где жили православные христиане. Ходил он по отдаленным уголкам Литовской земли, думая, как помочь несчастному больному, как облегчить скорбь на сердце у матери в разлуке с детьми. Каждого согрел в трудные часы добрым словом, умным советом: главное — надеяться на помощь Господа нашего Иисуса Христа, ходить в церковь, причащаться, делать добрые дела... Кто-то уходил на фронт — перекрестил, иконку в дорогу подарил; кому-то жизнь семейную наладил, девице мужа подарил... Новую семью создал... Немало заботился батюшка о беженцах. Сам не ел — детей голодных кормил, стариков не забывал, не одного в вечный путь проводил — никакой платы не брал».

Главное, за что любили, почитали и были благодарны отцу Николаю его первые прихожане — «за привитую любовь к Богу». «Тяжелый путь прошел отец Николай, но он не растерялся, не роптал, а в эти трудные дни был сияющей звездочкой в темной ночи. Божиим словом показывал настоящую жизненную дорогу, учил любить Господа Бога и оставаться верными детьми Всевышнего», — вспоминают его литовские прихожане. Спустя три года со дня отъезда отца Николая из Литвы бывшие прихожане напишут ему: «Уважаемый отец Николай! Не только я, но и вся Литва скучает по вас, ибо такого священника у нас нет и не будет. Вы только один так преданы Святой Церкви! Ваш бывший приход страдает...»

Одновременно с приходским служением отец Николай продолжал учебу. В 1951 году он закончил заочное отделение Ленинградской Духовной семинарии, три года проучился в Духовной Академии.

Сохранились письма к отцу Николаю одного из преподавателей питерских Духовных школ — С. А. Купрессова, датированные 1953 – 1959 годами. Эти письма свидетельствуют, что уже тогда духовно чуткие люди видели в священнике Николае Гурьянове незаурядного молитвенника и подвижника. «И мы, знающие вас, — заочника, одного из тех редких, которым всегда так хочется, так приятно оказать всякую посильную помощь... Жаль, что вы не обещали прибыть к нам на эту сессию... Впрочем, формальная наша учеба — не главное для вашей пастырской деятельности. Не всегда "пять" совпадает с пятерками

служения. Главнее — ваша ревность, чистая христианская любовь, верность житием, служение Богу и Церкви!.. Утешаю себя мысленно, что где-то в тихой глуши смиренного вашего служения светится, не угасая, — лампада, огонек искренней, кроткой молитвы за нас, за меня, недостойного. Уповаю на милость Божию ко всем нам! Очень прошу Вашего благословения и молитв...» В письмах к отцу Николаю С. А. Купрессов постоянно трогательно именует его «друг души моей» и называет его украшением Церкви.

На протяжении всей жизни старец относился к питерским Духовным школам с любовью и благодарностью. Бывая в городе на Неве, он обязательно старался участвовать

в богослужениях в академическом храме, сохранял связь со своими соучениками по семинарии.

Из немногочисленных сохранившихся документов, относящихся к раннему периоду служения отца Николая, особенно важна характеристика, подписанная архиепископом Виленским и Литовским Алексием, данная ему 15 октября 1958 года:

«Это, без сомнения, незаурядный священник. Хотя приход его был малочислен и бедный (около 150 человек прихожан), но благоустроен так, что может быть показательным примером для многих...

В личной своей жизни — безукоризненного поведения. Это пастырь — подвижник и молитвенник. Целибат. Приходу отдавал всю свою душу, все свои силы, свои знания, все сердце и за это всегда был любим не только своими прихожанами, но и всеми, кто лишь только ближе соприкасался с этим добрым пастырем».

О его высочайшем пастырском достоинстве свидетельствуют и церковные награды, полученные им в те годы: в 1952 г. батюшка был награжден золотым наперсным крестом, а в 1956 г. указом Святейшего Патриарха Алексия был возведен в сан протоиерея.

Настает важный для о. Николая 1958 год.

«Боголюбивый Батюшка, о. Владимир! — пишет отец Николай неизвестному нам адресату. — Если о. Иоанн не тронулся из Залита, то пусть он с Богом сидит там зиму, а я себе буду сидеть у себя в Гегобрастах до весенних

теплых, светлых, долгих дней, вполне соответствующих моему переезду и переезду о. Иоанна. А если же о. Иоанна перевод и переезд неминуем и состоится этой осенью, то нужно нашу передвижку уложить, пока не совсем короткие дни и сухая погода. С любовию о Господе к Вам — о. Н.».

Перевод состоялся осенью. По указу Владыки Иоанна (Разумова) от 21 октября 1958 года отец Николай назначен настоятелем храма святителя Николая на острове Залита Псковского района. Уже в день Покрова Пресвятой Богородицы о. Николай служит первую литургию. Здесь пройдут последующие сорок четыре года его жизни и пастырского служения. Здесь он станет тем, кем знаем мы его сегодня — батюшкой Николаем, старцем с острова Залита...[1]

Переселение на Талабский остров

Итак, в 1958 году отец Николай покидает свою «прибалтийскую пустыньку», выполняя настойчивую просьбу своей матери, соскучившейся по родной псковской земле. По благословению печерского старца Симеона (Желнина) он переселяется на рыбачий остров Талабск посреди Псковского озера.

В жизнеописании старца нелишним будет рассказать об истории Талабского острова,

---

[1] Текст характеристики владыки Алексия и письма старца к неизвестному лицу получены от И. Смолькина.

на котором батюшка прожил почти полвека. Остров Залит, принадлежащий к группе Талабских островов, до 1919 года назывался Талабск (Талабским именовалось и само озеро Псковское). Название Талабск, вероятно, происходит от эстонского слова «талу», «тала», обозначающего двор в смысле отдельного крестьянского хозяйства. Можно думать, что когда-то на острове Талабске жили эсты. Вообще по берегам Псковского озера встречается немало селений с исконно эстонскими названиями, но переделанными в русские. На Талабском острове, как и на других островах Псковского озера, издавна жил особый народ. Прекрасная характеристика его особенностей дана в дореволюционных «Псковских губернских ведомостях» за 1909 год:

«...Жители островов — усердные посетители приходских храмов. Обычай иметь свои часовни и собираться в них на молитвословие у них сильно распространен. Это напоминает пословицу: "Кто в море не бывал, тот Богу не маливался". Действительно, только глубокою верою в провидение, бесконечною преданностью Всеблагому Промыслу можно объяснить те замечательные подвиги самоотвержения, терпения и выносливости, которые весьма нередко приходятся на долю приозерца и о которых, конечно, остается не известно никому, кроме таких же героев, как его соседи. Приютились рыбаки для ловли на хрупком весеннем льду, заходит ветер — падара, отрывает льдину и носит ее с рыбаками по озеру взад и вперед, носит по нескольку дней, а весеннее

солнце делает все меньше и меньше импровизированное судно. Домашние в горе от неизвестности, а носимые ветром рыбаки, нередко разлученные между собой при разрыве ледяной глыбы на части, истомленные голодом и холодом, прибиваются к берегу, находя себе приют в первом попавшемся селении. Выехали ловцы на озеро в темную, длинную осеннюю ночь, которую проводят в трудах, пот льется градом, все мокры с головы до ног, а к берегу приезжают окостеневшие от наступившего заморозка; но этого мало, нужно на берег перетащить мокрый, весящий сотню пудов невод, и вот выступают из лодки прямо в воду вереницы с неводом на плечах. Вся эта вереница вместе с неводом покрывается льдом. Новые труды — сбросить невод с плеч так, чтобы он не поломался от мороза. Сколько труда и терпения приходится испытать ловцу по приходе домой, чтобы снять мокрую,

приставшую к телу и промерзшую одежду. Но замечательно при этом, что ловцы вообще не слишком охочи до рассказов о своих подвигах. Они убеждены, что в их жизни иначе и не может быть, что опасности, с которыми постоянно встречаются они, посылаются Богом и по воле Его Одного и устраняются... Талабчане выглядят народом крепким и красиво сложенным. Да и нельзя не заметить, что тщедушный, слабый организм не вынесет ловецких трудов. Детство и даже младенчество обозерца проходит в плавании, в обучении управлению лодкой и рыболовецким трудам... У талабчан крайности часто сходятся между собой. Удачная ловля из бедняка делает богача, который на следующий год чуть ли не просит у других милостыню. Ловецкие занятия своего рода игра, и жизнь талабчан во многом сходна с положением человека, все житейские расчеты которого основаны на вере в счастье. Талабчанина редко можно застать в унынии от того, что ему не только завтра, но и сегодня есть нечего. С надеждою он сморит на озеро... Понятие о богатстве и бедности, о довольстве и недостатках — понятия чисто условные, временные. Сегодня беден, завтра богат; сегодня нет хлеба, завтра все в изобилии. У талабчанина не заметите стремлений к каким-то сбережениям...»[1]

Характер жителей псковских островов не могли коренным образом изменить социальные

---

[1] Цитируется по книге: Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков, 2006. С. 326 – 327, 336 – 337.

потрясения в стране. Уклад жизни рыбаков в то время, когда на Талабском острове в 1958 году поселился старец Николай Гурьянов, оставался тем же, каким он был до революции. Этим можно объяснить то особое почтение, которое проявлял старец по отношению к жителям острова — они были великими тружениками. А старец высоко ценил трудящегося человека и прощал ему мелкие недостатки. Кроме того, поселение старца на острове вернуло этим местам сугубое молитвенное служение — во времена древние здесь располагался Петропавловский мужской монастырь, построенный около 1470 года, в 1616 году приписанный к Псково-Печерскому монастырю и упраздненный в конце XVIII столетия.

До революции Талабские острова имели еще одно название — Александровский посад. Такое название селение получило в 1820 году в честь Государя Александра I, который оказал пособие после пожара, бывшего на острове в начале XIX века. Талабские острова до революции насчитывали 750 дворов и были известны на всю Псковскую губернию своими ярмарками. На острова перед новым годом из многих губерний съезжались купцы, крестьяне, работный люд. Население островов в это время увеличивалось в два-три раза. Везли все, что только пожелаешь. Несколько дней, а то и недель, шел оживленный торг. С прибылью оставались жители островов и прибрежных деревень.

Особой властью и почетом пользовались на островах, как на Талабском, Верхнем, так

и на среднем — Талабенце, жерники. Обычно это были опытные рыбаки, владельцы больших неводов и промысловых судов. Дома жерников, обшитые тесом и покрытые масляной краской, издали вещали о хозяйском достатке.

Талабчане занимались, в основном, рыбной ловлей. Пойманную рыбу отправляли в Петербург, Москву, Ригу, Варшаву. Талабский снеток сушили в специальных печах, которых насчитывалось до 119. Ежегодно продавали от 160 до 300 пудов рыбы. Купцы и зажиточные островитяне располагались просторно и основательно; двухэтажные дома, магазины, различные мастерские возводились вдоль южной стороны острова, называемой Набережная. На Верхней улице селились менее состоятельные жители или просто бедные.[1]

Известны были всему Пскову и окрестностям крестные ходы, которые устраивались по воде в летнее время. К престольному празднику Верхнего острова — дню первоверховных апостолов Петра и Павла, в Талабск приплывали иконы из Спасо-Елеазаровского монастыря, находящегося на берегу в семи верстах от Талабска. Вот как описал это торжество бытописатель прежних времен: «Крестный ход на лодках представляет живописную картину. Каждая лодка старается пристать к берегу; по нескольку человек садятся на одно весло, которые нередко от большого усилия ломаются.

---

[1] Сведения взяты из книги «Напоминаю вам...». М., 1999.

В это время перегнать лодку на ходу считается делом приятным. Празднество продолжается не менее трех дней».[1]

И во время поселения на острове старца Николая обычай водных крестных ходов сохранился, только совершались они не от Спасо-Елеазаровского монастыря, который в годы советской власти был закрыт,[2] а от Пскова. Вот как описал эти крестные ходы давний сомолитвенник старца Николая — протоиерей Иоанн Миронов: «На Петров день здесь, по обыкновению, шел крестный ход из Пскова с Спасо-Елеазаровской иконой. На этой иконе Спаситель изображен в митре с крестом. Икону несли до берега Псковского озера, к переправе на остров, чтобы сесть на катера. А местные жители встречали икону на своих лодках, двигаясь по озеру с хоругвями. Это было незабываемое торжество Православия!»[3]

Храм святителя Николая Чудотворца на Талабском острове впервые упоминается в писцовых книгах в 1585 – 1587 годах, где говорится, что одно пустое дворовое место «под церковку подошло». Первый храм был деревянный и строился местными жителями, которые, как и теперь, были рыбаками. Во время нападения шведов в 1703 году сильно пострадал Верхнеостровский монастырь, основанный около 1470 года в честь первоверховных апостолов

---

[1] Святыни и древности... С. 337.

[2] Монастырь был вновь открыт при жизни старца по его молитвам.

[3] Любовь, ко Господу ведущая. СПб., 2005. С. 7.

Петра и Павла преподобным Досифеем Верхнеостровским, память которого совершается 8/21 октября. Вероятно, тогда же пострадал и Никольский храм на Талабске. В 1792 году построен каменный храм. Он строился по традиции из известняковой псковской плиты. В храме до сегодняшнего дня сохранились фрески письма неизвестного автора. Престола в церкви два: во имя святителя и чудотворца Николая и во имя Смоленской иконы Божией Матери.

В 1842 году был сооружен ныне действующий придел в честь чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской, в память чудесного избавления от эпидемии холеры, охватившей жителей посада. Некий прихожанин храма святителя Николая увидел во сне Смоленскую икону Божией Матери и услышал: «Обнесите Меня с крестным ходом

вокруг всего посада, и тогда холера прекратится». В сонном видении этому человеку было открыто место, где до той поры хранилась сия святая икона, а именно на чердаке одного из посадских домов. Все сделали по слову Божией Матери, и эпидемия прекратилась.

В 1854 году была выстроена каменная часовня в честь святителя Николая в память чуда от образа святого, бывшего во время пожара 6 июля 1853 года. Часовенку воздвигли для «неугасимого горения елея». На кладбище в 1888 году была возведена вторая часовня, по местному преданию — в честь Анастасии Римляныни. Церковь на острове несколько раз страдала от пожара, но всякий раз бережно восстанавливались на средства местных жителей и их стараниями.

О том, что жители острова не были оторваны от судеб всей страны, свидетельствовала надпись, сделанная на самом большом колоколе: «Вылит сей колокол 31 мая 1893 года в царствование Императора Александра III, в память избавления Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича от угрожавшей ему опасности в городе Отсу, в Японии, в 1891 году 20 апреля при Преосвященнейшем епископе Гермогене, местном священнике Иоанне Орлове и церковном старосте Иоанне Бахереве».[1] Старец Николай Гурьянов, придя на остров, продолжил традицию

[1] Любовь, ко Господу ведущая. С. 380.

почитания Царской Семьи, Государя-Мученика Николая.

До революции при Никольской церкви на Талабском острове существовали две школы: церковно-приходская с 1891 года и министерская двухклассная, открытая в 1898 году. В Никольском приходе накануне революции состояли 1271 мужчина и 1371 женщина. В 1939 году храм после сильного разорения был закрыт. Уничтожено все убранство, куда были вывезены иконы — неизвестно. В 1947 году храм вновь открыли для богослужений, но действующим был только Смоленский придел.

Первые годы подвижничества среди Псковского озера

С первых дней служения на острове старец Николай стал благоукрашать свой храм: провел основательный ремонт, обновил убранство храма и алтаря, украсил его новыми иконами. Особым подвигом старца было озеленение острова. Во время Великой Отечественной войны вся растительность на острове была уничтожена, — ни кустика, ни дерева нельзя было увидеть во всей округе. Старец Николай издалека: из Киева, из Вильнюса, Почаева, Пюхтиц — привозил растения. Ему присылали саженцы кустов и деревьев, семена и рассаду цветов. Все это он высаживал на острове. На острове не было водопровода — для полив-ки нужно было таскать в день по 100—200 ведер воды из озера. От берега озера до

кладбища, где батюшка посадил особенно много деревьев, расстояние немаленькое. А ведь у него после лагеря были больные ноги, и уже тогда он ходил с палочкой.

Зато когда его труды стали приносить плоды и все вокруг зазеленело, сколько было радости! Как писал старец в одном из своих писем духовной дочери, пюхтицкой игумении Варваре: «Не будет лишним сказать и о некоторых цветочках, как о примулах, сенполии и кампануле, до сих пор обильно цветущих на конах в хате. Все это меня радует и за все слезно благодарю милосердие Божие. На кладбище теперь у меня лес, и домик утонул в зелени. Со своего сада насушил компоту и наварил варенья».

Надо сказать, что батюшка особенно почитал западный удел Божией Матери — Свято-Успенский Пюхтицкий женский монастырь на эстонской земле. Пока он был в силе, ездил в монастырь ежегодно, по его совету и благословению устраивалась и внешняя (стройка, хозяйство) и внутренняя жизнь обители.

Не забывал батюшка и свое первое монашеское пристанище — Свято-Духов монастырь в Вильнюсе. Туда он также старался приезжать нередко.

Много трудился отец Николай для возвращения былого благолепия храма на острове. Подновлял киоты на иконах, ризы, полностью провел ремонт с обновлением кровли, привел в порядок могилки.

Есть в храме святителя Николая почитаемый чудотворный образ Божией Матери «Благодатное небо», имеющий второе название

«Смоленская» и празднуемый в день Смоленской иконы Божией Матери 28 июля (10 августа). В тяжелые, смутные времена с этой святой иконы была похищена серебряная риза, и отец Николай сразу, как приехал на остров, постарался одеть Матерь Божию в подобающую Ей царскую порфиру. В этом помогли духовные чада батюшки, которых у него всегда было много. Игуменья Тавифа из Свято-Духовского женского монастыря в Вильнюсе взяла благословение и начала шить ризу Богоматери на голубом бархате. Сколько слез радости и боли было пролито, когда работала матушка-игуменья, знает, наверное, только Хозяйка ризы. В 1960 году, после двухлетнего труда, риза наконец была одета на эту святую икону Заступницы нашей Усердной, Пресвятой Богородицы. И поныне этот святой образ радует верующих и подает духовное утешение всем, с верою к нему притекающим. После того как блаженная игуменья Тавифа почила о Господе от тяжелого долговременного недуга (в 1972 году), сестры ее обители вскоре в видении увидели свою игуменью и узнали, что матушка Тавифа на пути прохождения мытарств была сопровождаема Матерью Божией.

Итак, жил батюшка на острове не как затворник, он положил великие труды для того, чтобы озеленить выжженную во время войны землю, отремонтировать храм, а главное — привести ко Христу души местных жителей.

На острове, как мы уже сказали, жили, в основном, рыбаки, жили дружно. Уже в три часа ночи они оставляли свои дома и шли

на озеро ставить сети. Отец Николай сам, без приглашения, приходил в избушки, сидел с младенцами, пока родители рыбачили на озере. Народ на острове глубоко чтил отца Николая. Не только церковные люди, но даже падшие души тянулись к нему, чувствуя тепло его сердца, его милосердие и заботу. «Пьяницы местные мирно уживались с ним. Бывало, выйдет он навстречу такому бедолаге: "Ну-ка, роднуля, что у тебя в сумочке затаилось? Голубчик, роднуша, надо бросать, семье-то тяжело. Дай сюда бутылочку-то". Возьмет бутылку — и о камень ее... А пьяница не ругается, домой идет спокойно» — вспоминает протоиерей Иоанн Миронов. В свою очередь батюшка с уважением отзывался о рыбаках: «Труженики наши люди. Да, рыбаки трудятся: любая погода, ненастье, а они все... а волны, в особенности летом, бури, — они все это несут, и творят доброе дело тем, что рыбку добывают. А мы молимся и просим, чтобы Господь помог миру уберечься от недугов и от военных действий. Сохрани, Господи». В 1960-е годы, во время хрущевской «оттепели» и усилившегося гонения на храмы, на остров к отцу Николаю приехали представители местной власти, разговаривали очень резко, грубо, запугивали и пообещали на следующий день вернуться за ним. Батюшка разволновался и всю ночь простоял на сугубой молитве. Наутро на озере поднялась страшная буря, которая не утихала в течение трех дней. Талабск стал недоступен. После того как буря стихла, об отце Николае как-то забыли и больше не трогали.

Рассказывают про местную жительницу, которая, желая выслужиться, донесла, что батюшка ругает Ленина. Когда она пришла на рыбацкий праздник с пустой миской (по древнему обычаю, рыбаки кладут в эти миски рыбу вдовам и одиноким), один рыбак плюнул в ее миску, выхватил ее из рук и бросил в озеро. Товарищи, стоявшие рядом, отвернулись.

В те годы священников отстранили от власти в церкви, управление перешло в руки выборной «двадцатки» и старосты. Батюшка Николай говорил: «Как бы там они нас ни отстраняли, а за благолепие храма отвечаем мы».

В 1971 году батюшку Николая чуть было не перевели на служение в Псков, в Свято-Троицкий Кафедральный Собор. Об этом свидетельствуют два сохранившихся письма: отца Николая к Управляющему Псковской епархии архиепископу Иоанну (Разумову) и обратный ответ Владыки. Оба эти письма ярко свидетельствуют о любви жителей острова к своему пастырю. Вот эти письма:

Высокопреосвященнейший
Владыка Иоанн!

Мое недостоинство к Вашему Высокопреосвященству обращается хотя и с обычным недоразумением, но не без боли в сердце. А именно: наша достоуважаемый церковный староста Л. под предлогом болезни 26 сего месяца отказалась работать в Церкви. Все полномочия и обязанности председателя

Церковного Совета с себя сложила, другого же кандидата на ее место у нас пока не предвидится: все добрые людчики побаиваются, как бы не потерять трудовой пенсии.

Как быть и как выйти из создавшегося положения? Без милости Божией и мудрости Вашего Высокопреосвященства, как видно, нам не обойтись. И моя просьба от лица всех болельщиков о благе Церковном к Вам, пожалуйста, подскажите нашей церковной общине, через помощника старосты Николая Андреевича, благодатный святительский совет об избрании достойного старосты.

Коленопреклоненно испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и прощения за безпокойство, недостойный послушник и богомолец Вашего Высокопреосвященства,

прот. Гурьянов о. Н.
28 декабря 1971 года

Ваше Высокоблагословение,
достопочтеннейший и глубоко всеми почитаемый,
дорогой батюшка, отец Николай!

Осмелюсь уведомить Вас, что помощник Вашей Церкви вручил мне сегодня пакет Вашего Высокоблагословения.

Ваше письмо наполнено до верхов скорбями, заботами, недоумениями и суетливыми раздумьями. Прочитав его, я был очень озабочен ввиду того, как Вы пишете, что у Вас нет людей, кто бы мог встать на дело церковного старосты, и меня тут осенила мысль: для пользы дела Церкви Вас переместить на служение

в наш Свято-Троицкий Кафедральный Собор, а на Ваше место, к Святителю Николаю Залитскому, даровать это место давно уже просящемуся о. Алексию М., матушка которого восполнит место церковного старосты, и сразу все Ваши недоумения разрешатся для Вас в очень положительную сторону!

Но к моему великому огорчению, я должен Вам об этом сообщить, что у Вас очень хороший помощник церковного старосты. Он заявил, что залитяне никуда не отпустят ни на один шаг Вас от себя и не расстанутся с Вами никогда...

Дорогой батюшка, отец Николай! Ведь до беды далеко и Вы посоветуйте своим членам Церковного Совета с этим вопросом не торопиться: болеют не все к смерти, а некоторые к жизни вечной... На первую декаду 1972 г. поручаю временно управлять делами церковного старосты сему мужу Николаю Андреевичу, а за это время Вам сам Святитель Николай поможет выйти из этого затруднения. Он пошлет хорошего, доброго человека, который и возьмет, по Вашему благословению и народному избранию, звание и тяготы, заботу и работу по должности церковного старосты!

Вашу богомудрую пастырскую разумность я вручаю под омофор Святителю Николаю и от всей души желаю Вам новогодние праздники и Рождество Христово встретить в мирном благодушии и благоденствии, и чтобы Ваше вечно трепещущее сердечко, вместе со светлыми ликами Небесных Ангелов,

встретило грядущего Спасителя мира, нас ради человечества и нашего ради спасения на нашу грешную землю пришедшего, чтобы воспринять и наше человеческое, хотя и убогое, но усердное пение: «Слава в Вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение!»

Спаси Вас, Господи, за Вашу любовь к нашей Родине, Отечеству нашему, за Вашу преданность и верность Русской Православной Церкви, которые Вы не словами, а добрыми делами подтверждаете каждый год. За Ваши понесенные труды и Вашу неустанную заботу об изыскании денежных средств, принесенных на Алтарь Родины, от лица Русской Православной Церкви и всего нашего доброго народа выражаю Вам нашу архипастырскую благодарность, пребывая к Вашей почитаемой Святыне с глубоким уважением и братской о Христе любовию, просяще взаимных святых молитв, Ваш постоянный богомолец,

Иоанн, архиепископ Псковский

28 декабря 1971 г.[1]

Собранные в книге «Жил на острове подвижник» многочисленные рассказы островных жителей свидетельствуют, что отец Николай «был на острове естественной его частью. Его присутствие ощущали всегда». Несколько поколений островитян батюшка крестил, венчал и напутствовал в жизнь вечную. «Мы быстро привыкли к батюшке, как к родному», —

---

[1] Цит. по: *Игорь Изборцев*. «В руце Твои, Господи». Издание Единецко-Бричанской епархии, 2006. С. 49—51.

вспоминает одна из талабских жительниц, — «Батюшка принимал всех сердечно, хотя мог и юродствоать при этом, подшучивать. Но его шутки надо было понимать. Вскоре здесь осознали, что он за человек».[1] Другая островитянка передает любопытные подробности, касающиеся отношения к батюшке его «островной родни»: «Со временем на острове все стали замечать, что если отец Николай попадется тебе на дороге, а лучше даже ее перейдет, то все у тебя после этого будет удачно: и рыбку хорошо продашь, и дела успешно завершатся и домой благополучно вернешься... Батюшка был очень добрый и людей жалел... Отец Николай всех островских понимал, так как изнутри хорошо знал нашу жизнь».

Особо трогательные воспоминания о старце Николае оставили островитяне, которым Бог даровал под покровом молитв старца провести свои детские годы. Особенно в то благодатное время, когда батюшке разрешили преподавать в местной школе Закон Божий. Все дети острова, как только видели батюшку, сразу же его окружали: каждого он одаривал гостинцами, гладил по головке, называл по имени. А они в ответ (чистыми душами ощущая святыню) говорили о нем: «Боженька идет...» А одной из съемочных групп на вопрос: «Дети, каких святых вы знаете?» —

---

[1] *В. А. Писарева.* В книге «Жил на острове подвижник». С. 261 – 262.

дети хором ответили: «Святителя Николая, батюшку отца Николая».[1]

Первого сентября батюшка служил в школе молебен, кропил детей святой водой, дарил иконочки в благословение. Многие дети по его разрешению с цветника у батюшкиного домика срывали цветы, чтобы в «День знаний» отнести их учителям. А в день рождения батюшки дети, наоборот, сами дарили старцу букет цветов и подарочки.

В семидесятые годы устанавливались духовные связи отца Николая со многими священниками, монахами и мирянами. Батюшка был духовником псковского духовенства, ездил в Пюхтицы к своим духовным чадам, бывал в Петербурге. Был в духовном общении со старцем Иоанном (Крестьянкиным), блаженной Любушкой, блаженной Марьей Ивановной.

Пюхтицкая игумения Варвара в своих воспоминаниях о старце рассказывает о знаменательном случае его юродства, который раскрывает сокровенное — на попечении у старца были многие обители и храмы; благословляя их настоятелей, он брал на себя особый духовный подвиг. «Когда мне все же пришлось стать настоятельницей Пюхтицкого монастыря, батюшка старался приезжать в обитель каждый год. И вот, помню, приехал он к нам, сели мы завтракать, а я очень плакала. Он берет мой стакан с чаем, кладет в него сахар, соль, варенье, кусочек селедки. Полил все это постным маслом, размешал ложечкой

[1] Жил на острове подвижник. С. 317.

и говорит мне: "Матушка, выпей, только все до дна!" Глоток выпила и говорю, что больше пить не могу. А батюшка успокоил: "Что не сможешь, я допью", и допил. И как он мне помогал! Когда были очень трудные обстоятельства, он приезжал, не сообщая о своем приезде, и все становилось на место. Так он мог чувствовать, видеть, помогать».

Любовь притягивает к себе людей. Вскоре на остров стали приезжать со всей страны — отца Николая начали почитать как старца. «Об отце Николае точнее не скажешь: "Не может укрыться светильник под спудом!" Не хотел он этой славы от людей, но Господь не оставил его сокровенным...» — свидетельствует протоиерей Иоанн Миронов.

Старческое служение

В нашем повествовании уместно сделать отступление и рассказать о сути старческого служения и его преемственности на Руси, чтобы стало ясно, в каком сонме ныне находится приснопоминаемый старец Николай Гурьянов.

Во всех пределах нашей земли накануне революционных потрясений и в страшные годы «войны с Богом» молились за народ святые подвижники. И в наши дни — хвала и благодарение Господу — не перевелись еще заступники за народ, те, о ком Господь сказал: «Я уже не называю вас рабами, но друзьями», те, молитвы кого Он «слушает день и ночь» и кому открывает Свою волю. Одним из

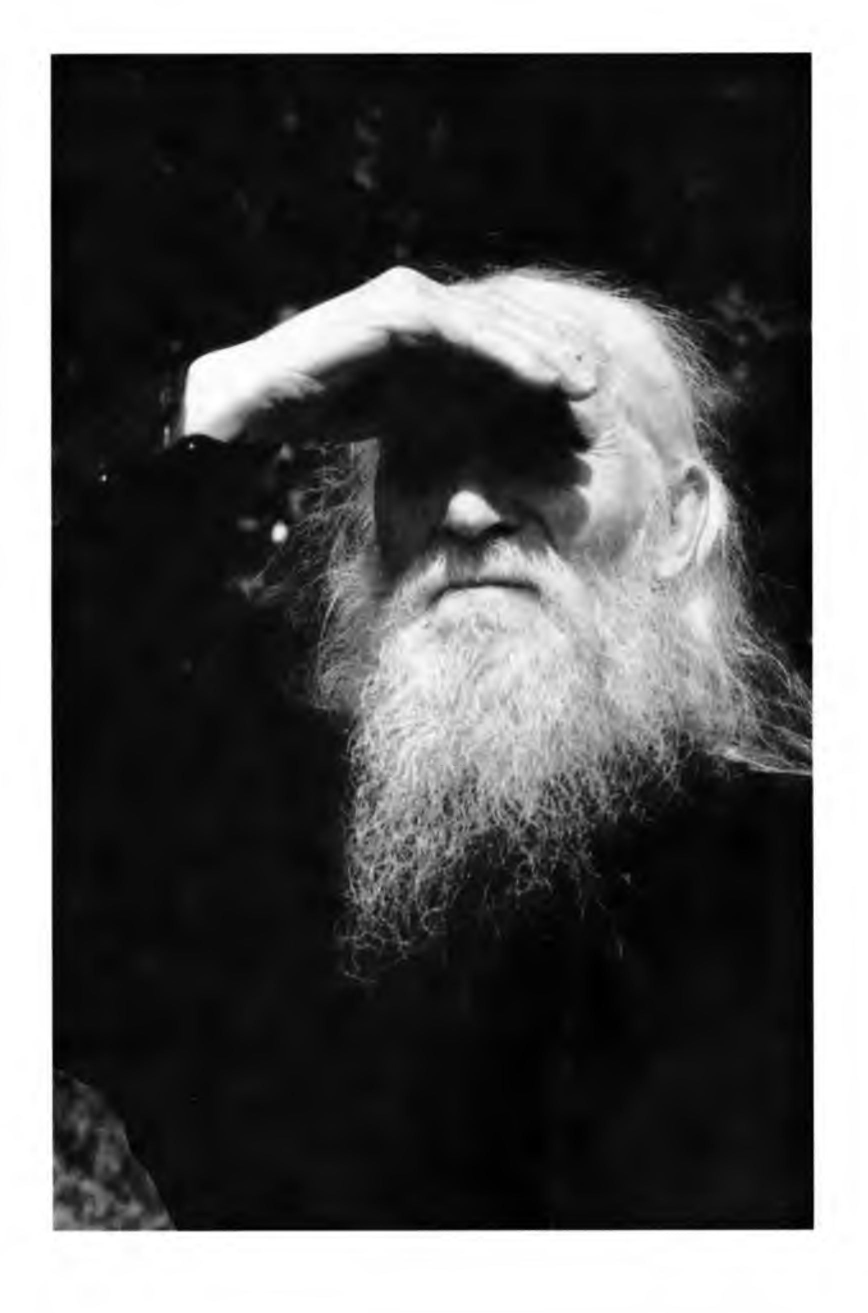
первых в новое время стал писать о старчестве И. М. Концевич. Его знаменитая книга «Оптина Пустынь и ее время» начинается с всеобъемлющей главы «Определение понятия старчества», выдержки из которой мы здесь приведем.

«Апостол Павел, независимо от иерархии, перечисляет три служения в Церкви: апостольское, пророческое и учительское. Непосредственно за апостолами стоят пророки. Их служение состоит главным образом в **назидании, увещании и утешении** (1 Кор. 14, 3). С этой именно целью, а также для указания или предостережения, пророками предсказываются будущие события. Через пророка непосредственно открывается воля Божия, а потому авторитет его безграничен. Пророческое служение — особый благодатный дар Духа Святого (харизма). Пророк обладает особым духовным зрением — прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства и времени, своим духовным взором он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит душу человека, его прошлое и будущее. Такое высокое призвание не может не быть сопряжено с высоким нравственным уровнем, с чистотою сердца, с личной святостью. Святость жизни требовалась от пророка с первых времен христианства... Пророческое служение, связанное с личной святостью, процветало с подъемом жизни Церкви и оскудевало в упадочные периоды. Ярче всего оно проявилось в монастырском старчестве. Влияние старчества

далеко распространялось за пределами стен монастыря. Старцы окормляли не только иноков, но и мирян. Обладая даром прозорливости, они всех назидали, увещали и утешали, исцеляли от болезней духовных и телесных, предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию. <...>

Предавшие себя всецело водительству истинного старца испытывают особое чувство радости и свободы о Господе. Старец — непосредственный проводник воли Божией. Общение же с Богом всегда сопряжено с чувством духовной свободы, радости, неописуемого мира в душе. Напротив того, лжестарец заменяет собою Бога, ставя на место воли Божией свою волю, что сопряжено с чувством рабства, угнетенности и, почти всегда, уныния.... Истинное отношение старца к ученику именуется в аскетике духовным таинством, оно находится под водительством Духа Святого. <...>

Благодатный старец, личным опытом прошедший школу трезвения и умно-сердечной молитвы и изучивший, благодаря этому, в совершенстве духовно-психические законы и лично достигший бесстрастия, отныне становится способен руководить новоначальным иноком в его "невидимой брани" на пути к бесстрастию. Он должен проникать до самых глубин души человеческой, видеть самое зарождение зла, причины этого зарождения, уточнить диагноз болезни и указать точный способ лечения. Старец — искусный духовный врач. Он должен ясно видеть устроение

своего ученика, характер его души и степень духовного развития его. Он должен непременно обладать даром рассуждения и «различения духов», так как ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться во Ангела светла. Но, как достигший бесстрастия, старец обычно обладает и другими дарами: прозорливости, чудотворения, пророчества.

Старчество на своих высших степенях, как, например преподобный Серафим Саровский, получает полноту свободы в своих проявлениях и действиях, не ограниченных никакими рамками, так как уже не он живет, но живет в нем Христос (Гал. 2, 20)...

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, это особый род святости, а потому может быть присущ всякому. Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней, каким был вначале отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть епископ: например, Игнатий (Брянчанинов), или Антоний Воронежский — великий современник преподобного Серафима. Из иереев назовем св. Иоанна Кронштадтского, отца Егора Чекряковского. Наконец, старчествовать может и женщина, как, например прозорливая блаженная Прасковья Ивановна, во Христе юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре. Истинное старчество есть особое благодатное дарование — харизма — непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости.

В то время как церковной власти обязаны подчиняться все члены Церкви, старческая

власть не является принудительной ни для кого. Старец никогда никому не навязывается, подчинение ему всегда добровольно, но, найдя истинного, благодатного старца и подчинившись ему, ученик должен уже беспрекословно ему во всем повиноваться, так как через последнего открывается непосредственно воля Божия. Вопрошать старца также ни для кого не обязательно, но, спросив совета или указания, надо непременно следовать ему, потому что всякое уклонение от явного указания Божия чрез старца влечет за собой наказание».[1]

Итак, значение «института старчества» как хранителя духа Православия от времен древних до наших дней огромно. Как сказал новомученик епископ Арсений (Жадановский): «Старчество — это живая сила, воспитывающая в человеке христианина». То есть не через книжное научение, не ценой только собственных усилий человек преображает свой ум, свои чувства, но через живое общение с благодатным человеком. Старцы — это хранители духовной культуры Православия, живое Предание Церкви.

Старчество на Руси процветало уже в древности — об этом свидетельствует Киево-Печерский патерик. И на Украине, и на севере Руси, в «сердце Православия» — Троице-Сергиевой Лавре и ее скитах, в Глинской пустыни, и в самых разных городах и весях на

---

[1] *И. М. Концевич*. Оптина пустынь и ее время. Нью-Йорк, 1970. С. 7–8, 11–12, 37–38.

протяжении веков процветало благодатное старческое служение людям — утешения, вразумления, прозорливости, исцеления.

Старчество было своеобразным противоядием против искушения возможным цезарепапизмом в нашей Церкви, так как существовало неслиянно и нераздельно с церковной иерархией. Неслиянно — потому что старчество — не административная единица, нераздельно — потому что старцы никогда не шли против церковной иерархии, а наоборот, всегда призывали народ не отвергать авторитет епископата и имели на свое служение благословение архиерея.

Но прежде всего старчество — это духовное творчество. Нет двух одинаковых, похожих старцев в нашей истории. Жития их так различны! Но при этом они образуют «золотую цепь святости», потому что не «хранят сокровище под спудом», а передают свои дары ученикам — тем, кто предопределен на старческое служение.

Так было до революционного лихолетья, так было и в десятилетия гонений на веру православную. Господь хранил Своих избранных — после войны вернулись из Финляндии валаамские старцы и поселились в Псково-Печерском монастыре, в Рижской пустыни подвизался вернувшийся из лагерей старец Таврион, в дальней Караганде жил один из последних оптинцев — старец Севастиан. После войны процвела Глинская пустынь с сонмом старцев. Во Владимире жил старец-епископ Афанасий (Сахаров), в Симферополе — святитель Лука

(Войно-Ясенецкий), в Киеве под образом юродивого «дяди Коли» — епископ Варнава (Беляев), в Алма-Ате — владыка Николай, странствовал старец Сампсон (Сиверс). В Печоры на покой переселился митрополит-старец Вениамин (Федченков), на юге России подвизались преподобный Кукша, преподобный Лаврентий, старец Феодосий. Список можно продолжать, а сколько еще было не столь известных подвижников, несших старческое служение в годы лихолетья — и последние оптинские иноки, поселившиеся в Козельске рядом с монастырем, а также разбросанные по глухим местам нашей родины; и «приходские монахи», которые были для колхозной деревни светочем Святой Руси, напоминанием о ней. Тихий свет старчества («глас хлада тонка») донесли они и до нашего времени — уже нашему поколению были дарованы старец Николай (Гурьянов), архимандриты Иоанн (Крестьянкин), Павел (Груздев), Зосима (Сокур), Кирилл (Павлов), Адриан (Кирсанов), старец Илий Оптинский, старец Власий Боровский.

В начале XX века священник Сергий Мансуров составил наглядную таблицу благодатной преемственности. В пояснении к ней он пишет: «В каждом поколении мы указываем имена тех людей, в которых и вокруг которых всегда ярче видна духовная жизнь этого поколения. Эти люди освящали путь своих современников, открывали им волю Божию примером и словом, вокруг них и через них строилось в Церкви все, что в ней есть вечного, Божественного. Это — столпы и утверждения церковные. Все,

что поется, созерцается, что почитается как истинное и исполняется как верное, почитается как святое в Православии, — все Предание Церковное связано с этими именами... Единая благодатная жизнь течет неизменно. Замирая на одном месте, она вспыхивает в другом, то шире раскидываясь, то сосредотачиваясь в небольшом круге людей, но никогда не иссякает, обновляясь и обновляя в каждом поколении того, кто отзывается на призыв истины».[1]

Благодати старчества наследник

Уже в первые «талабские годы» стали проявляться благодатные дарования протоиерея Николая Гурьянова, которые свидетельствовали о том, что он обрел благодать старчества — он исцелял душевные и физические недуги; он прозорливо напоминал людям о событиях их прошлой жизни и осторожно подготавливал к будущему; он называл по имени, ни разу не видев человека до этого; описывал обстоятельства его жизни; он давал жизненно важные советы, которые при их исполнении меняли, казались бы, безвыходные обстоятельства жизни. Как сказал один из паломников: «Настолько дар рассуждения, дар духовидения у батюшки велик, что он сразу начинает говорить по существу, не надо никаких

---

[1] *Священник Сергий Мансуров.* Очерки из истории Церкви. Клин, 2002. С. 27 – 28.

подробностей. И советы оказываются такими простыми, что даже удивительно, как сам до этого не додумался. Мы пытаемся по сложному пути идти, а мудрость — в простоте...» К последним словам можно прибавить то, что не всякому было доступен часто иносказательный, символический язык старца. Зато те, кто старался очистить и смирить свое сердце при встрече с батюшкой, не нуждались даже и в словах, они вели с ним «молчаливый разговор». «Не нужно было много слов, — пишет один из паломников. — И батюшка много не говорил. Он просто сидел, как добрый дедушка, и излучал благодатный свет. От этого света согревались и растапливались самые заледенелые души».[1]

Паломники, которые приезжали к старцу в те годы, имели редкую возможность присутствовать за его богослужением,[2] исповедоваться у него, слушать его поучения, зачастую они оказывались его гостями в незабвенном маленьком домике напротив островного кладбища. Один из тех счастливых немногочисленных паломников первых лет вспоминал: «Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время».

---

[1] *Иеромонах Вениамин*. Из книги «Жил на острове подвижник». С. 122.

[2] Все священнодействие батюшка наполнял духовной глубиной, молитвы произносил четко, ясно. Об этом свидетельствуют сохранившиеся записи его чтения Акафиста Божией Матери. На исповеди батюшка был немногословен, а проповеди, смирения ради, читал по книжке.

«Батюшка часто шутил. Угощает, бывало, обедом за столом, старается порцию дать побольше, сахару в чай — до десяти ложек, а сам приговаривает: "Ешь, ешь, дорвался до чужого, так ешь полным ртом". Иногда просят его: "Батюшка, помолись за меня". Он отвечает: "Молюсь, молюсь, а как тебя зовут-то?"»... «Он сам тогда готовил. Налил мне полную миску щей и говорит: "Ешь". А я смотрю на Анастасию: "Можно мне есть, очень много, да еще и с мясом?" А батюшка так строго: "Ешь, тебе говорю, все". Я, давясь, с трудом все доела. А батюшка достает еще кринку молока, три литра: "Пей молоко!" — "Батюшка, я не могу больше" — "Ну хорошо, вечером придешь, будешь молоко пить"», — рассказывает одна из первых паломниц к старцу Анна Ивановна Трусова.

Старец обильно делился в те годы своей благодатью с приезжавшими к нему людьми — таково традиционное толкование: если старец угощает чем-то из своих рук — это значит, что он благодатью делится. Благодатными дарами утешения и рассудительности старец делился не только очно, но и заочно — через письма. Нам посчастливилось прочесть некоторые из написанных старцем в конце 1960-х – начале 1970-х годов писем. Как будто бы немудреные слова пишет батюшка, а какой силой и непреходящей правдой жизни от них веет: «Ваши вздохи считаю ненужной пустотой. Кто отстал (т. е. отошел — *Л. И.*) от вас — не жалейте и не забывайте то, что "всяк человек ложь" и я тож. Тем более что вы человек труда, а труд-то

и есть для вас самый честный друг. Кроме того, вы живете в Боге, с Богом и для Бога, что оставившим вас не по пути с вами. В первую очередь любите труд, Отечество, человека и помните изречение Слова Божия: "Трудящийся да яст", то есть кто работает, тот и ест».

Старец любил труд, не давал даже в дом для него принести воды. Многих людей подвигал к трудолюбию, а также к любви ко всему живому. В письмах он называл кусты и деревья «зелеными друзьями» или даже писал так в начале весны: «Движемся по хозяйству. Зеленеем». Старался обратить внимание людей на безгрешную жизнь растений. Один батюшка рассказывал: «Батюшка Николай предложил мне взять с собой банку из-под консервов из его кельи и посадить в ней цветочек. Я возразил: "А зачем мне цветочек?" — и, естественно, брать банку не стал, о чем теперь сожалею».

Такое же трепетное отношение было у старца и к птицам — у своего домика во дворе он устроил «столовую для пернатых». «С первой половины ноября птичья столовая аккуратно работает. Большие обслуживаются с полдесятого утра, малые же воробушки с трех часов дня. Всех посетителей бывает ежедневно больше трехсот. Корму большой запас, хватит до тепла. Все это меня радует, и за все благодарю Бога», — писал старец в одном из писем. Старец Николай благословлял обращавшихся к нему людей кормить птичек за упокой души своих близких и во очищение своих грехов — ибо «блажен, кто тварь милует».

Голуби на острове сначала жили на колокольне храма, потом, когда батюшка по здоровью ушел за штат, голуби переселились во дворик его дома, теперь они обитают на кладбище вокруг дорогой могилки старца...

У батюшки в домике всегда жили котики, он с ними разговаривал, как с разумными существами. Одному паломнику на его недоуменный вопрос однажды сказал, показывая на кота: «Это даже Липуня понимает». На улице не пропускал ни одну собаку, чтобы не приветить. Однажды паломники были свидетелем такой сцены: во время их беседы мимо домика проходила местная жительница с маленькой собачкой на руках, батюшка подозвал ее: «Дай я ее поглажу». Потрепал по шерстке маленького друга и отпустил. Все живое для батюшки действительно было другом. Казалось, он понимает язык всего Божьего создания. Однажды он сказал: «Не только дерево, но даже камень не обижайте!»

Батюшкино «милование» или жалость распространялись даже на насекомых. Не от одного человека мы слышали о том, что он жалел даже мух и комаров. «Старец сидел на стуле, низко склонив голову на руки. Стали пить чай. На столе стоял самовар, в вазочке — шоколадные конфеты. Над столом, назойливо жужжа, вилась муха и постоянно норовила сесть на конфеты. Батюшка Николай пальцем погрозил ей: "Здесь тебе нельзя!", — отломил кусочек конфеты и положил в сторонке на столе: "Вот, здесь кушай". Он осторожно посадил муху на отломленный кусочек. Муха послушно

поела и улетела. Любовь отец Николай понимал в самом широком смысле», — пишет протоиерей Борис Николаев. О подобном же случае рассказывает протоиерей Валериан Кречетов: «Муха летала по комнатке, он на муху смотрел, и я про себя подумал: "Шлепнуть, что ли, ее?" — а он мне: "Может, ей медку дать?"» Когда один из посетителей заметил, что комар опустился на висок батюшки, то, желая помочь, попытался его поймать. «Не трогай его, не на тебе комарик сидит», — остановил мужчину старец. «Помню, как-то хотел комарика с него согнать, а он не дал: "Пусть лишнюю кровь попьет"», — делится трогательными воспоминаниями протоиерей Иоанн Миронов. В одном из писем старца есть такие замечательные слова: «Боже, сколько в мире красивого. Природа, Природа, ты для нас дорога в Невечерний день».

Из писем мы узнаем, что уже в это время — в начале 1970-х — батюшку начали одолевать телесные немощи. А ведь впереди был еще почти тридцатилетний крестный путь — когда к нему на остров поехали толпы, и он, невзирая на все усиливающиеся недуги и «патриарший возраст», не отказывал людям в приеме, доходя до полного изнеможения.

Как написал духовный сын старца иеромонах Нестор (Кумыш): «Никто доподлинно не знает, какие подвиги нес отец Николай на острове. Он скрывал это от всех, близко никого к себе не подпускал и сам за собой ухаживал, за исключением последних десяти лет, когда уже не мог этого делать. В последнее

время ему очень трудно было переносить свою немощь. Видя, как старцу не только тяжело говорить, но даже сидеть, как при этом он напрягает свои последние силы, я как-то участливо сказал ему: "Батюшка, вам бы полежать". Отец Николай, не поднимая опущенной головы, ответил: "Лежат только лентяи". В другой раз на такое же сочувственное предложение отдохнуть... он заметил: "Отдыхать — это грех"».

Столп старчества. Всеправославное служение

Старцы — это «детоводители ко Христу», это те, чьи молитвы слышит Бог, кому открыта воля Божия. И самое удивительное, что дух истинного старчества — смиренный, незлобивый и простой — во все времена ощущается верующими людьми как «благоухание духовное», исходящее от человека. Народ тянется к такому человеку, окружает его плотным кольцом, стремится если не побеседовать, то хотя бы благословение получить от такого батюшки — и так, без слов даже, получить утешение.

Читаешь древние патерики, отечники, «достопамятные сказания» и поражаешься преемственности — и во времена древние, и в наши времена старцев отличала евангельская простота. Люди молили: «Дай нам наставление» — и слышали в ответ: «Не входи в состязание ни о каком предмете, но плачь

и сокрушайся, ибо время близко» (сказано в VI веке аввой Маттоем), «Никого не осуждай, никому не досаждай и всем мое почтение» (сказано в XIX веке старцем Амвросием Оптинским), «Верьте в Бога и Он все устроит» (сказано в XXI веке старцем Николаем Гурьяновым).

«Не скрывается светильник под спудом» — суждено было батюшке уже на закате дней, который растянулся более чем на десятилетие, выйти на всенародное служение. До 1980-х годов о батюшке знал только достаточно узкий круг воцерковленных людей, ездили к нему в основном священнослужители, монашествующие и глубоко воцерковленные миряне.

Но «Господь хочет всем спастись и в разум истины прийти» — и людям малоцерковным или только ищущим «дорогу к храму» для этого нужен образец, источник незамутненный, нужен чистый призыв от чистого сердца. Таким для десятков тысяч наших соотечественников оказался старец Николай Гурьянов.

Произошло это на исходе 1980-х годов, когда обстановка в стране стала меняться. После празднования юбилея 1000-летия Крещения Руси стали проникать на страницы периодических изданий и на экран телевизора (увы, главного воспитателя народа) сюжеты на религиозные темы. Настоящим потрясением для миллионов телезрителей стал документальный фильм «Храм», вышедший в прокат в 1988 году. Фильм был посвящен жизни Русской Православной Церкви, на экране на несколько

минут перед потрясенными зрителями впервые появился старец Николай. Батюшка ничего особенного не говорил в том фильме, он просто смотрел на нас своими небесно-голубыми глазами, и этот взгляд пробуждал душу от греховного сна, а потом он так трогательно, прямо в камеру обращаясь, показал на самовар и, протягивая стакан, как бы всем телезрителям сказал: «Выпейте-ка чайку!» Это теперь уже стало понятно, что батюшка таким образом призывал людей разделить с ним «духовную трапезу», показал, что он готов поделиться благодатью со всяким, кто придет к нему.

Но в то время подобные формулировки не возникали, а люди просто почувствовали сердцем, что среди них живет святой, и еще почувствовали (даже через телефильм это передалось многим), что батюшка — это сама Любовь, что он обильно изливает любовь на всех и каждого. И после этого «алчущие и жаждущие правды» стали узнавать друг у друга — а где живет отец Николай, как к нему добраться? И потекла на остров, который теперь уже хочется назвать святым, потому что его земля освящена легкими стопами старца Николая, неиссякаемая народная река.

Батюшка тогда еще был достаточно крепок — продолжал служить в Никольском храме, принимал исповедь, подолгу беседовал с паломниками. Тогда еще не пришло время «массовости», люди ехали к батюшке своим ходом, а не в группах. И потому каждый запоминал беседу со старцем как поворотное событие в своей жизни. Вот они, свидетельства

паломников конца 1980-х годов. Все они говорят о том, что получали от батюшки главный дар — утешение, душевный покой, который посылает Дух Святой, называемый в церковных молитвах «Утешителем», почивающим в святых. Приведем здесь отрывки из воспоминаний паломников на остров, которые свидетельствуют о том, как преображался «внутренний человек» от общения со старцем.[1]

«Случалось, что впервые приехавшему к нему человеку он вдруг говорил: "А мы с вами давно знакомы, я вас с детства, вот таким еще знаю". Святая простота незабвенного старца всегда порождала в сердце чувство благоговейного страха и трепета: это то, что испытывает каждый, соприкасаясь с человеком, достигшим обо́жения. Великий старец своей жизнью учил смирению и кротости, уважению и любви. Он побуждал бороть гордыню, когда подавал пример отношения к ближнему. Будучи духовником всей Русской Православной Церкви, столпом старчества, он кланялся до земли молодым семинаристам и отцам, посещавшим его, и кротко просил их преподать ему иерейское благословение; настаивал дать облобызать их руку. Батюшка любил Бога и потому любил всех людей без исключения, с их страстями и немощами. Посему сотни людей приходили в мирное устроение духа, только лишь побывав у его келии. Само благодатное присутствие старца рядом давало утешение».

---

[1] Цитаты взяты из книг: «Любвовь, ко Господу ведущая», СПб., 2007; Остров Божественный любви, СПб., 2008.

«Прозорливый был батюшка, но не это главное было в его служении. Главное было то, что он всех утешал. Он ведь и сам так говорил, когда выходил из своего домика: "Надо вас утешить. Чем вас утешить?" Помазывал нам святым маслицем скрепочкой из пробирки, и такое утешение входило в душу. А говорил он совсем немного и, казалось бы, одни и те же слова разным людям говорил, а все получали утешение в самых разных обстоятельствах».

«В вечер нашего приезда был жуткий шторм. Казалось, крышу унесет. Когда батюшка увидел, что мы пришли в церковь, очень обрадовался, что мы не уплыли, а остались. Специально, чтобы еще больше утешить мою маму и направить ее в нужное духовное русло, отец Николай стал читать с нами акафист "Слава Богу за все". Батюшка опустился на коленочки в храме, ближе к выходу, и прочел акафист полностью. Я никогда не видела и не слышала такой благоговейной молитвы. Это было первое удивительное впечатление о батюшке. Потом он нас очень ласково благословил, что-то дал нам на дорожку».

«После беседы с ним я вышел из его дома совершенно другим человеком. Словно гора спала с плеч. Какая радость! Жизнь стала казаться совершенно иной, появилась твердая уверенность в будущем... Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время».

«На сердце было необычайно радостно, душа чувствовала особую бодрость, легкость, покой... Чувствовалось, что он вслушивался в обратившегося к нему человека и, в зависимости от его внутреннего устроения, корректировал свое поведение и совет. Разговор с ним был диалогом, а не авторитарным, назидательным монологом... До сих пор посещение старого батюшки на далеком острове в Псковском озере вспоминается как сияющий праздник».

«Всю ночь я проплакала от благодарности к старцу, который исцелил раненую душу и нашел время и силы на особенное утешение. На следующее утро я уехала. Сердце примирилось со всеми».

Главное, что хочется отметить, говоря о даре утешения, свойственном старцу, — это то, что утешал он не только отдельных людей в их скорбях, но и с надеждой и верой говорил о судьбе России в целом. В ответ на сетования людей на тяжелую жизнь: «Батюшка! Как жить, когда Россией правят люди, ненавидящие и разрушающие ее?» — он неизменно говорил: «Нет! Нами правит Бог! Живите и радуйтесь!» Тем же, кто неумеренно отчаивался по поводу общих бед России, старец говорил, что это настроение, эти мысли нужно воспринимать как искушение. Самые разные паломники свидетельствуют, что это было одним из главных поучений старца — не допускать мыслей о том, что Россия погибла.

«Глубоко переживая разрушение русской культуры ее врагами, нравственное убийство

русского народа, я была почти в состоянии отчаяния. Мне казалось, мир рушился вместе с Россией. Свои переживания я рассказала батюшке, не пытаясь сдержать слезы. Старец не перебивал меня, покачивал головой: "Так, так". Затем он спросил: "А где ты видишь, что все разрушается? Знаешь, кто тебе все это показывает?" Я продолжала плакать и объясняла причины своей боли. Неожиданно вспыхнул свет, и мои глаза оказались прямо перед изображением Страшного суда. Батюшка указывал на дьявола: "Вот кто тебе показывает все. Гляди, какой он. *Это Страшный суд, когда одни пойдут в рай, а другие в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай).* Больше отчаянной озлобленности по отношению к иудеям у тебя не будет. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: "Господи, спаси и помилуй, ведь мы приняли Святое Крещение»».

«Я спросила, спасет ли Господь Россию. "Тю! — легонько хлопнул по лбу меня батюшка. — Все может быть хорошо, молиться только надо". Спустя много лет на вопрос корреспондента о том, возродится ли Россия, старец ответил: "А она и не умирала. Нет-нет-нет. Нет-нет-нет. *Где просто, там Ангелов со сто, где мудрено, там — ни одного.* Когда нам кажется, что уже — все... Нет...» «Старца спрашивали о России, а он отвечал: "Россия не умирала". "Ох, как хорошо у нас. Слава Тебе, Господи. Господь... не оставляет нас". «На вопрос о влиянии злой силы батюшка отвечал с удивлением и улыбкой: "А как Бог? О воле Божией забыли?"» «Батюшка все время повторял: "Все хорошо, да, все хорошо. Какие мы счастливые, что мы в Церкви, что мы причащаемся..."»

Старец неизменно повторял, что надо радоваться тому, что храмы и монастыри восстанавливаются, надо радоваться, что все больше людей приходит к Богу. И главное — не унывать, а надеяться на Божию милость. "*Скорбеть — терять благодать Божию, а надо радоваться и веселиться*". Батюшка во всем учил полагаться на волю Божию: "Будет, как должно быть"». «В самые сложные периоды жизни батюшка всегда говорил: "*Что тебе волноваться, у тебя есть вера*"».

Все сказанное не означает, что батюшка не видел трагедии нашего времени. Разным людям он говорил: «Сейчас вся преисподняя на земле, смотри, держись». Слезно переживал

старец события в Сербии. В день бомбежки НАТО летом 1999 года он сказал: «Вот, мои драгоценные, что означает сейчас святое слово Сербия — Сер-бия: бьют их». В это время на благословение чадам батюшка давал, вероятно, им самим составленный «Братский гимн».

Братский гимн[1]

В прежнее время порой надвигалось
Грозно латинство на нас.
Тайно и явно оно добивалось
Русь уничтожить не раз.

Много боролся за Веру Святую
Наш православный народ.
Эту глухую борьбу вековую
Русь и доныне ведет.

Послано Богом нам вновь испытание:
Тяжкое время невзгод.
В этом суровом горниле страданий
Должен окрепнуть народ.

Должен он Церковь и Родину смело
Грудью своей защитить,
Ради великого русского дела
Жизни своей не щадить.

---

[1] Это стихотворение мы получили от жителей Талабского острова как принадлежащее старцу Николаю в дни его памяти, летом 2005 года.

Время под братской хоругвью сплотиться,
Выступить против врага.
Всем, в чьей душе вера в Бога хранится,
Всем, кому Русь дорога.

В братской любви и святом единеньи
Наших успехов залог.
С ними не страшны врагов ухищренья:
В правде поможет нам Бог.

В этом гимне выразился неизменно бодрый дух старца — скорбя и плача о страданиях людей, старец шел по пути преподобного Силуана Афонского: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Толкователи этих слов говорят, что «держать ум во аде» — это значит постоянно переживать муку всего мира, сострадать страдальцам всего мира, «и не отчаиваться» — это значит всякий раз, когда мука сердечная за людей достигнет предела, сказать себе: «Не люди и временные правители управляют миром, миром Божиим управляет Сам Господь. Он владеет царствами земными и судьбами отдельных людей. Потому так часто повторял отец Николай: «Слава Богу за все!» И прибавлял строки из духовного стиха: «Слава Богу за скорбь и за радость». А еще любил петь народный псалом: «Не унывай, не унывай, душа моя. Уповай, уповай на Господа!»

С преподобным Силуаном Афонским старца Николая роднило также и то, что он молился за весь мир, плакал «о всем Адаме», и не только за живых, но и за тысячи усопших молитвенно воздыхал день и ночь.

Старец Николай — почитатель Царственных Мучеников

В жизнеописании старца Николая мы хотим принести сугубую благодарность ему за то, что по его молитвам, к которым присоединились молитвы тысяч людей, в 2000 году на Архиерейском Соборе были прославлены Царственные Мученики. Благодарность наша старцу может и должна проявиться в том, чтобы по его примеру воспитывать в себе дух царепочитания, уразумения великого значения служения Помазанников Божиих.

В юном Николае Гурьянове этот дух возжег сам Господь. Напомним о том, что в девятилетнем возрасте ему было открыто то, что происходило в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. Благоговение и покаяние перед Царственными страдальцами он пронес через всю свою жизнь.

Особенно настойчиво о необходимости почитания и прославления Царственных Мучеников старец Николай стал говорить в конце 1990-х годов, когда к нему на остров началось массовое паломничество и когда на высшем уровне — в Комиссии по канонизации на заседаниях Синода Русской Православной Церкви — бурно обсуждался этот вопрос. Как известно, противниками канонизации были многие члены Комиссии, и далеко не все архиереи были ее сторонниками.

В 1997 году в келии старца Николая совместно с ним и по его благословению было

написано и передано в Патриархию Обращение чад Русской Православной Церкви, духовенства и мирян к Святейшему Патриарху Алексию по поводу необходимости прославления Царской Семьи. В это же время старец благословлял людей на келейную домашнюю молитву Царственным страдальцам, говорил о том, что канонизацию нужно вымаливать.

Все «царское» собиралось и сохранялось в домике батюшки на острове с особой любовью. На фотографиях, сделанных в келии старца, мы видим икону Царственных Мучеников, их портреты. В келейных молитвах старца постоянно звучали акафист и канон Царю-Мученику, составленный в Русской Православной Церкви за рубежом, где Государь уже был прославлен. Старец раздавал паломникам иконы Царственных Мучеников, фотографии, акафисты, таким образом поддерживая и вдохновляя народное почитание святых, плодом которого и стало долгожданное официальное прославление на Архиерейском Соборе 2000 года.

Батюшка Николай очень любил «царского поэта» — Сергея Бехтеева, любил слушать его стихи, благословлял раздавать паломникам, говоря, что они служат поднятию русского, царского духа. Об одном стихотворении Бехтеева старец сказал: «Видите, как Господь возлюбил Царя и причислил его к избранным святым... Спаситель возвысил Царя Николая за его крестное смирение... Царь Николай — великий святой...» Процитируем строки из этого стихотворения:

Старица... смотрит и видит,
Молитву честную творя,
Рядом с Христом — Самого
Страстотерпца Царя.
Лик его скорбен;
печаль на державном лице;
Вместо короны стоит он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла...

Это откровение-видение было дивеевской старице в 1917 году, когда Государь еще был жив и царствовал...

С почитанием Царственных Мучеников старец Николай связывал судьбы России и всего мира. Он говорил о том, что Государь-Мученик Николай молится за свое земное Отечество, скорбит о нем и ждет народного покаяния, явленного не на словах, а на деле.

Одной из основных современных бед батюшка считал непонимание природы Самодержавия. Он с сокрушением говорил о том, что Православная Церковь, хранительница благодати помазания на Царство, не смогла и не захотела уберечь Государя Николая II и вынуждена была промолчать в самое тяжелое время. Не нашлось сил остановить злодеев — а мы знаем, что были и приветственные телеграммы в Синод по поводу вынужденного отречения Государя, была и скоропалительно составленная ектенья о "богодарованном Временном Правительстве", и земля наша обагрилась реками крови.

Старец неустанно говорил о необходимости сознания значения царской харизмы — того, что царская власть имеет особое помазание свыше. Он говорил о том, что нужно молиться о даровании России царского правления: «Не будет Царя, не будет России! Осознать должна Россия — что без Бога ни до порога, без Царя как без отца».

Накануне общецерковного прославления Царственных Мучеников отец Николай в ответ на беспокойство его келейниц, произойдет ли это, твердо сказал: «Царь — святой, грешно думать иначе, у Бога они все уже прославлены, ведь вы помните их святое житие? Как же можно не почитать их святость? Они — угодники Божии, святые, мученики драгоценные, Господом возлюбленные!»

На Архиерейском Соборе в августе 2000 года, как теперь уже понимают многие, произошло настоящее чудо — все архиереи (за исключением одного) единогласно проголосовали за канонизацию. Это было торжество правды и Торжество Православия! А старец Николай Гурьянов был одним из главных тружеников духовных, подготовивших это торжество.

И после состоявшегося прославления старец велел своим чадам не успокаиваться («не спать», — так он говорил), благословлял собирать все, что можно, о Царе — иконы, духовные книги, книги воспоминаний, портреты. И как заповедь оставил благословение всем нам: «Свято берегите святого Царя и Святую Русь!» И утешение оставил:

«Молитва к Царю Николаю — это духовный щит России».

Крестоношение старца в последнее десятилетие жизни

В 1990-е годы по всей стране стало развиваться массовое паломничество к православным святыням, что, конечно же, можно назвать отрадным явлением. Паломничество в наше время — одно из самых ярких средств православной миссии. Но для старца Николая это «паломническое движение» оказалось новым крестом. Паломники устремились на остров «организованным порядком» — в день ему иногда приходилось принимать по несколько автобусов — от 250 до 500 человек. В любую погоду — в летний зной, в мороз, под дождем старец выходил к народу с иерусалимским маслицем, и ни одного человека не отпустил без утешения. От помазания этим маслицем люди получали облегчение телесных недомоганий и душевных скорбей.

...Открывалась заветная дверца маленького зеленого домика в одно окошко, и навстречу нам выходил тот, о ком хотелось сказать, как о Создателе, «ветхий деньми», — высшее благолепие и мудрость являлась в блистающей седине, ярких голубых глазах и смиренной фигуре. Батюшка поднимал ручку к полочке над дверью, доставал оттуда маленькую бутылочку, в которую была вставлена разогнутая большая канцелярская скрепка, и начинал

помазывать ожидающий этого помазывания, как дара небесного, народ. «Драгоценные мои!» — обращался батюшка к паломникам, и было такое ощущение, что под его рукой обычное помазывание превращается в «печать дара Духа Святаго». К некоторым паломникам он обращался с кратким словом; с поразительной легкостью, иногда даже с шуткой, юродствуя, он развязывал, разрешал самые запутанные узелки душевных смущений и кривых мыслей.

Теперь настало время произнести покаянные слова. Принести покаяние в непонимании и потребительском отношении к великим дарам духовным. «Вся беда в том, — сказал нам один опытный духовник, — что у людей нет правильных христианских понятий о подвижничестве и о старчестве». Как раньше ездили к старцам, например, в Оптину Пустынь, о которой более всего сохранилось воспоминаний паломников? Ездили, когда наступала великая духовная жажда, когда человек всей душой своей, всем помышлением устремлялся к Богу. К старцу ехали как к духоносному подвижнику, который может дать правильное направление в жизни. Ехали, «томимые духовной жаждой», к тому, кто может из опыта сказать, как бороться с грехом, как правильно жить в Боге, как жить по-христиански среди искушений современного мира. И, как написал последний оптинский старец Никон (Беляев), люди, побывавшие у старца всего один раз, духовно вразумлялись гораздо больше, чем те, кто жил с ним рядом долгие годы и видел

его изо дня в день. Из старцев в те времена не делали кумиров, оптинские старцы нарочито боролись с фанатизмом поклонников и поклонниц. Они учили человека верить в благодатную Божью помощь, а не мучить духовника мелкими вопросами (здесь мы, конечно же, не касаемся отношений между старцем и братией монастыря — тут действуют другие духовные законы).

Как едут к старцам в наши дни? Келейники, да и сами старцы свидетельствуют: современные паломники почти не задают духовных вопросов. К старцу относятся, грубо говоря, как к гадалке: где сейчас мой сын, он давно пропал из дома; менять мне эту квартиру на другую, на какую именно и какого числа; поступать в торговый колледж или в педагогический институт и т. д., и т. п.? В результате мы видим: чем милосерднее относится батюшка к людям, тем больше он получает от них упреков, клеветы, непонимания.

Когда думаешь о подвиге старца Николая Гурьянова последних лет, вспоминаются слова преподобного Амвросия Оптинского, которые он говорил, страдая от наплыва народа, шамординским матушкам: «Я тут у вас — как распятый». Да только люди тогда все-таки были скромнее. Они не стучали в закрытые двери и окна батюшки, не заставляли его часами простаивать на морозе или жаре, не требовали тут же, «вынь да подай», ответ на любой вопрос. Они не снимали о старцах фильмов, не писали статей, не фотографировались со старцем на память...

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мир Твой» — так молятся старцы. Им всех жалко, они не осуждают. Все происходящее они принимают как от Бога, благодарят за все: и за хорошее, и за плохое. А нам так хотелось втянуть Божьего человека в нашу борьбу — как нам казалось, святую борьбу — за правду, мы прямо жаждали вытянуть из него возмущение: «Батюшка! Посмотрите, что творится! (Количество восклицательных знаков можно бы увеличить.) Нас продали! Нас обманывают! Над вами тоже издеваются! Надо обличать! Надо защищаться!» И вдруг в ответ звучат страшные слова: «Им не надо теперь никакого старца, нет старца» (эти слова старец не один раз сказал во время одной беседы, и они записаны на видео).

Истолковывают эти слова по-разному, понять их можно через сравнение с тем, что происходило в последние годы жизни с великим оптинским старцем преподобным Нектарием. Вот что мы читаем в его житии: «Бремя старчества страшно и тяжко. И быть старцем каждую секунду непосильно человеку. Старца окружала великая любовь, но и великая требовательность». Это слова келейницы старца, которая видела не только Божескую славу, но и его человеческую физическую немощь, и то истощание старца ради людей, которое подобно крестной муке. И подумалось: что же мы все делали, не давая ему покоя? Забывая о том, как подвижники готовятся к переходу в вечную жизнь, месяцами, годами пребывая в уединении. Многие из них уходят

в затвор, а многие, и находясь на людях, уже не вникают в их преходящие проблемы и смущения. Хотя это не означает, что, внешне не участвуя в жизни людей, подвижники их бросают на произвол судьбы.

«Чадо мое, столько лет ты меня знаешь, неужели ты не знаешь, что теперь я могу больше помочь тебе молитвами, нежели словами?» Не приходилось ли нам слышать такие вразумления... и пропускать их не только мимо ушей, но и мимо души? Почему мы не давали старцу Николаю такой возможности, естественной для того, кто все свои силы уже отдал служению людям — возможности подготовиться к переходу за грань этого бытия?

Старец в последнее время постоянно просил: «Молитесь обо мне». Значит, ему было нелегко. Мы все — слепые, нам недоступны тайны духовной жизни. Мы судим обо всем по-плотски. Нам не было видно, что́ на самом деле в духовном плане происходило в домике на острове Залита. Нам не постичь было сути той духовной битвы, которая бушевала вокруг старца. Потом только мы стали узнавать некие подробности.

Путаница, обман, искажение духа истины, различные духовные подмены — вот что только могли мы каким-то несказанным образом почувствовать и в то время. Но разобраться в этом?.. Наше ли это дело? Ведь подобное познается подобным, и о тайне жизненного духовного пути старца может сказать только сопричастный ему человек, как раньше говорили, сотаинник.

Все наши старцы, и времен прошедших, и настоящего времени, переживали гонения, клевету, непонимание. О причинах того, почему это происходит, написал современник отца Николая — старец-архимандрит Иоанн (Крестьянкин): «Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто, уже изваляявшись в скверне греха, а кто, отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто и задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу. И Бог открывает им Свои Отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить. Но нет! Великий ухажер — диавол — на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а "вваливается" в Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что изменить пора. Он уже "знает, что такое благодать и как она выглядит", еще не начав быть православным христианином, он становится судьей и учителем. Такие люди примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко обманула их теперь».

Наши покаянные слова не означают, что все окружавшие старца люди были его

мучителями. Конечно же, это было не так. Среди посетителей старца было немало настоящих подвижников, сама дорога к нему часто была подвигом. У дверей домика старца осуществлялось то, что называется высоким словом соборность. Люди чувствовали единство духовной жизни. Неважно было, что кто-то может услышать твой вопрос и наставление батюшки. Здесь все было полезно слышать и видеть. Слова, обращенные к одному человеку, были полезными и для других людей.

Батюшка любил людей, получал от общения радость. Он был всецело предан воле Божией, и все, что происходило, воспринимал как должное. И был против того, чтобы что-то изменить в своей жизни последних лет, когда ему это предлагали.

Эту покаянную главку мы все-таки закончим нравоучительными словами одного священника: «Теперь явно, что многое из того, что приписывают старцу — не он говорил, а от него говорили. Не искали воли Божией, а ехали уже с определенным решением: "Я знаю, что надо делать, чтобы было хорошо". Ну вот, старец и благословлял, видя такую внутреннюю установку, а потом человек набивал шишки и начинал учиться серьезной духовной жизни, в которой нет ничего механического. Часто люди ехали именно с такой формулировкой: "Батюшка, помолитесь, чтобы..." А может, молиться нужно совсем о другом? "Батюшка, благословите на то-то и то-то". А может, нужно сначала спросить: "А нужно ли мне это делать?" Но человек уже заранее убежден, что

"его дело правое", нужно только благословение получить. Поэтому старец часто на все вопросы отвечал только: "Помоги вам Господи, спаси Господи", то есть как Бог Сам все устроит, так и будет. Надо было внимательно слушать старца. И выполнять его благословение в той последовательности, которую он открыл, а не механически. Старцы, подвижники — это те, кто правильно молится. И Бог дает им свои дары. А мы все умничаем. Вопросы любим задавать, хотим, чтобы у нас в жизни все поскорее да получше разрешалось. А нужна верная основа жизни для каждого человека — правильно молиться и учиться всю жизнь у Церкви, остальное приложится».

Юродство блаженного старца

Подвиг юродства старец Николай принял на себя в то время, когда к нему стало ездить много посетителей. Давние его духовные чада не припомнят, чтобы батюшка в молодые годы юродствовал. Хотя проявлением юродства можно считать то, что батюшка всегда жил в трудных условиях, не стараясь их улучшить: терпел холод и голод (на острове была большая проблема с дровами, а хлеб тоже привозили нечасто, и не всем он доставался), в домике терпел мышей (не давал ставить мышеловку), а когда посетители видели мышиный помет прямо на кровати батюшки, он говорил: «Они мне колыбельную поют: " Спи, батюшка, спи "».

Типичные приемы юродивых: разговор языком жестов и движений, говорения на непонятных языках, чтение стихотворений в ответ на вопросы, детскую игривость — все это батюшка стал употреблять как воспитательные средства, для того, чтобы спрятать под покровом юродства прозорливость и дар чудотворения. Но со временем посетители начали понимать язык батюшки. Если он кого-то бил по щеке, то люди понимали, что так старец изгонял какую-то страсть. Если быстро бежал впереди человека, это означало, что его вскоре откуда-то погонят или обстоятельства сложатся так, что нужно будет бежать. Однажды батюшка сам пояснил значение своего быстрого бега так: «Что вы за мной бежите? Если бы вы в церковь так бежали, как за мной бежите!»

Если старец брал себе какую-то вещь: священнический крест, скуфейку, платок, фотоаппарат, даже епископский посох, а потом возвращал владельцу ее обратно — это означало, что он берет на себя часть служения этого человека, разделяет с ним его крест и благословляет на проходимое поприще. Если начинал усиленно кормить, то горьким, то сладким — значит, делился благодатью или предсказывал испытания.

Здесь мы приведем два наиболее ярких примера. Вспоминает настоятельница Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря игуменья Варвара: «Помню, приехал он к нам, сели мы завтракать, а я очень плакала. Он берет мой стакан с чаем, кладет в него сахар,

соль, варенье, кусочек селедки. Полил все постным маслом, размешал ложечкой и говорит мне: "Матушка, выпей, только все до дна: и горькое, и сладкое, и кислое — все до дна!" Глотка три выпила и говорю, что больше пить не могу. А батюшка успокоил: "Что не сможешь, я допью", — и допил».[1]

Незадолго до затвора батюшка напоследок напитал любимую свою паству. «Батюшка зашел в домик и вышел снова с булкой хлеба в руках, разделил на всех. Затем снова ушел и вернулся с банкой жидкого малинового варенья и пригласил всех со словами: "Мои драгоценные, мне хочется вас покормить". Все стали подходить по очереди, а батюшка давал каждому по ложечке варенья, причем очень благоговейно, просил подставлять руку, чтобы ни капелька варенья не упала».[2]

Вообще, когда гости бывали в домике у батюшки, он кормил их «до упора», заставлял съесть больше, чем человеку хотелось. Питал своей благодатью на будущее время. А иногда таким образом обличал в грехе чревоугодия и лечил от него.

При этом часто сопровождал свои действия шутливостью.

Особенно обращало на себя внимание говорение на иностранных языках: эстонском, немецком, латыни. Тем самым он предугадывал национальность или местожительство человека, его профессию. Так же часто

---

[1] Жил на острове подвижник. С. 55.

[2] Боже, зри мое смирение. С. 190.

батюшка говорил формулами. «Сера в воздухе горит — вот и вышел андигрид. Ангидрид да плюс вода — получилась кислота. Или вспоминал физические законы: Величина деформации прямо пропорциональна действующей силе».[1] Так иносказательно старец напоминал о смирении, вразумлял человека, что надо приложить усилия, как потрудишься духовно — такой и будет результат. Ибо законы духовные так же непреложны, как законы физики.

Часто, как это и бывает у блаженных, под юродством скрывалось обличение. Духовные стихи пел и читал батюшка всегда со смыслом. Если видел и чувствовал что-то неладное в чьей-то душе, то выбирал нужный духовный стих. Обличения старца не уязвляли душу, а даже веселили поначалу, а потом заставляли задуматься. Вот что рассказал один из паломников. «Открылась дверь, и на крыльцо вышел батюшка. Он напевал печенку про Иерусалим, которую я часто от него потом слышал. Затем отец Николай зачем-то прочел стишок из курса химии – про альдегид. Посмотрел эдак на нас, еще не благословляя, после чего сказал мне нечто по-эстонски, после чего отец Георгий засмеялся... Потом батюшка Николай еще раз посмотрел на меня и сказал фразу по-немецки: "Учиться-учиться, только не работать". Мы так и покатились со смеху. Это было просто в точку! Во-первых, мама у меня действительно немка, и во-вторых мой склад

[1] Боже, зри мое смирение. С. 170.

характера такой, что мне по сердцу больше что-то читать, изучать, чем заниматься физической работой. К тому же я увлекался когда-то химией, делал разные эксперименты в этой области».[1]

В юродивой форме старец обличал женщин, которые носили брюки, даже если (как это и сейчас часто бывает с паломницами на святых местах) они одевали поверх брюк юбки, — таких женщин он называл мужскими именами, часто называл женщину именем ее мужа с ее собственным отчеством. Иногда такое именование означало, что в семье нет лада, и жена всегда стремится брать верх над мужем.

Юродствовал старец не только ради обличения, но, как мы говорили выше, из желания скрыть себя. Так батюшка никогда не говорил сам проповеди в храме — читал по книжке. Хотя кое-кто заметил, что часто он держит эту книжку «вверх ногами».

Но главное, что хотел скрыть батюшка ради своего великого смирения под покровом юродства — это Божий дар прозорливости.

Случаи прозорливости

Рассказов о случаях действия в старце Николае дара прозорливости существует великое множество, почти в каждом из воспоминаний самых разных людей мы находим

---

[1] Жил на острове подвижник. С. 184.

свидетельства того, что батюшка «видел их насквозь» — прозревал прошлое и будущее, скрытые мысли и поступки. Мог обратиться по имени к незнакомому человеку при первой встрече и потом при постоянном многолюдстве безошибочно называть по имени (хотя при этом и близких людей мог спросить: «А как вас зовут?»). Задавая вопросы об обстоятельствах жизни человека, сам называл город, улицу, место его работы, мог назвать имя духовника и близких людей.

Часто прикровенным образом старец открывал будущую долю. Знаменательны в этом смысле рассказы игумений двух обителей — Пюхтицкой в Эстонии и Горненской на Святой Земле. Монахине Варваре он неожиданно для всех вдруг стал говорить: «"Ой, как будут мать Варвару-то сватать!" — "Куда, батюшка, сватать? Варвару постригли в мантию и — сватать?" А он опять: "Ой, как будут сватать!" В скором времени мать Варвару вызвали в Москву и "сосватали" в Пюхтицы настоятельницей».[1] Когда матушка уже стала настоятельницей, батюшка стал ее называть строительницей. И вскоре ей пришлось действительно многое в монастыре строить и восстанавливать.

А матушке Георгии игуменство старец предсказывал неоднократно: однажды привел ее на островное кладбище и велел: «Благослови мою матушку. Крести могилку». Второй раз прислал ей письмо с адресом: «Игумении Георгии». А перед самым назначением на Святую

---

[1] По книге «Жил на острове подвижник». С. 62.

Землю в алтаре своего храма возложил ей на плечи крест.

Монашество старец Николай мог предсказать намного раньше, чем сам человек об этом подумал, мог назвать новое имя в постриге. Но столь же радостно он предсказывал рождение детей, мог назвать пол будущего ребенка, благословлял, каким именем назвать младенца. И с особой заботой относился к тому, чтобы брачный союз был обязательно освящен таинством венчания. Вообще при всех своих высоких дарованиях и прозрениях старец от приходящих к нему людей требовал в общем-то немногого. Главные вопросы, который он задавал каждому: «Не пьешь? Не куришь? Брак венчанный?» Вернее, он-то заранее знал ответы на все эти вопросы (что не раз и проявлялось), но нужно было, чтобы человек сам исповедовал свой порок и захотел исправиться. И по молитвам батюшки исцеления совершались.

Старец заранее знал, кто едет к нему на остров. Существует немало свидетельств о том, что он посылал встречать человека с тяжелым грузом или сам выходил навстречу долгожданным паломникам. Так же заботливо отец Николай и провожал паломников с острова — именно в ту минуту, когда их на пути должна была встретить и забрать с собой попутка или запоздавший рейсовый автобус.

Прозорливость проявлялась по отношению к тем приношениям, которые люди привозили на остров. Часто он не брал приносимое, говорил: «Вам самим нужнее». Или, взяв,

например, коробку конфет, мог сказать: «Конфеты я возьму (часто для того, чтобы тут же их кому-то отдать), а деньги заберите». Хотя он не мог видеть, что в запакованную коробку положены деньги.

Старец видел, с каким сердцем несут ему дары, потому, отвергнув «деликатесы», мог взять самое скромное приношение. Как рассказывает одна женщина: «Перед выездом мама дала мне большой кочан капусты и сказала: "Увези батюшке". Я очень роптала (ведь можно купить на рынке в Пскове, зачем тащить такую тяжесть), но мама настояла. Пришлось ходить по Пскову с этим кочаном, а ноги были стерты до крови новыми туфлями. Зато когда я приехала к батюшке и после разговора с ним все утешенные и довольные стали предлагать ему привезенные продукты, он ничего не брал, и только глядя на меня, с веселой улыбкой сказал: "Ну, капусточки из дому, так уж возьму! Раз уж из дому"».[1]

Прозорливость старец проявлял не ради удивления перед необычным даром, а ради спасения душ. Так, батюшка духовным зрением мог увидеть, что на подошедшем к причастию человеке нет креста, и отстранял его от Чаши; мог увидеть и обличить тайные дурные мысли и поступки, предупредить от возможного падения, жизненной ошибки. «Ледок тонок! Идите осторожно!» — часто предупреждал батюшка, тем самым изобличая духовную незрелость человека. Стараясь оградить человека

---

[1] Боже, зри мое смирение. С. 50.

от нерадивой жизни, часто батюшка посетителям своей кельи показывал на картину Страшного суда и говорил: «Это Страшный суд, когда одни пойдут в рай, а другие в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай), а не сюда. Посмотрите, там вечность, и вечное мучение, и горе какое в эту вечность попасть! Боже упаси!»

Бог открыл батюшке время его кончины — это тоже было одним из проявлений его дара прозорливости. Некоторым близким людям незадолго до смерти батюшка говорил: «Мы с вами больше не увидимся». При последней встрече со старейшим священником Псковской епархии, исповедником Христовым и его духовным другом протоиереем Борисом Николаевым, старец вдруг сказал: «Давайте споем тропарь Успению Божией Матери». По кончине старца поняли, что он хотел этим сказать. Старец отошел ко Господу во время Успенского поста, незадолго до праздника.

Однажды паломники из простецов спросили старца: «Батюшка, а как же вы это так все знаете?» На что батюшка ответил: «Так простота нужна, ведь где просто, там Ангелов со сто, а где мудрено, там не одного».[1] Старец Николай этими словами обозначил тот закон, проявления прозорливости в человеке, о котором когда-то говорил прп.Серафим Саровский: «Когда я говорил от себя, то бывало, что и ошибался, а когда давал место Богу, ошибок не было». Старец очень почитал прп. Серафима

---

[1] Боже, зри мое смирение. С. 145.

и говорил: «Мы с ним духовно близки». И воистину для русских людей последнего времени батюшка был таким же светочем любви Христовой и радости, какими был саровский подвижник более столетия назад.

Чудотворения по молитвам старца

Свидетельства о чудотворениях — исцелениях души и тела, явленных по молитвам старца, многочисленны. И подобны тем, о которых мы читаем в житиях прославленных подвижников. Будущий составитель официального церковного жития старца (в то, что прославление протоиерея Николая Гурьянова рано или поздно должно свершиться, все мы — почитатели старца — твердо веруем) должен будет составить подробный список с указанием имен и места жительства свидетелей, с указанием того, где, когда и каким образом они получили исцеления благодаря молитвенной помощи старца. Мы же сейчас только проведем классификацию запечатленных в воспоминаниях случаев, то есть назовем наиболее распространенные из них.

Поражает «широкая специализация» старца при врачевании различных заболеваний. Люди свидетельствуют: придя к старцу с застарелыми недугами, они уходили исцеленными. Множество болезней отступили по молитвам старца. Тут и болезни внутренних органов: почек, желудка, кишечника; гипертония; кожные заболевания; радикулит; разрешение

немоты и заикания; разрешение бесплодия. К этим же чудесным изменениям немощной природы человеческой можно отнести и то, что по молитвам старца у людей появлялся музыкальный слух (и они могли петь и читать на клиросе, что прежде не удавалось), просветлялся ум в познании трудных предметов во время учебы, совершенствовались профессиональные навыки (которые прежде давались большим трудом).

Старец помазывал больные места маслицем, совершал над больным местом крестное знамение, иногда слегка ударял по больному месту, хлопал и поглаживал, дергал за ухо или за нос. Однажды кинул яблочко в толпу и попал в больной глаз женщине, и глаз перестал болеть. То есть за юродивыми действиями батюшка скрывал проявление силы Божией.

Иногда благодаря молитвам старца Николая находилось необходимое для лечения лекарство и опытный доктор, иногда же, наоборот, старец действовал вопреки медицине. Так произошло с приснопоминаемым митрополитом Питиримом (Нечаевым). «Батюшка исцелил его от сахарного диабета. Когда они разговаривали в домике, отец Николай вдруг говорит владыке:

— Откройте рот!

— Батюшка, у меня диабет!

— Ничего, откройте рот.

И кладет ему в рот ложку за ложкой сахарный песок. Владыка испугался:

— У меня диабет!

От такой дозы сахара действительно можно было умереть. А старец, пока владыка этот сахар пытался проглотить, все приговаривал:

— А вы говорите "диабет"!

Так произошло исцеление. А еще он дал владыке с собой пирожки для больной сестры».[1]

Так же, против медицинских показаний, произошло явное исцеление больного ребенка. У девочки был рак и несвертывание крови, она уже была приговорена к смерти. Мать поехала с обреченной дочерью на остров. «Подошла к воротам, прижалась лбом и начала молча, про себя, молить: "Батюшка Николай! Спаси, спаси! — дите мое умирает!" Так я молилась и рыдала...

И вот что произошло. Через какое-то время открылись ворота и выходит кот. Подходит он прямо к моей дочери, и та начинает с ним играть. Мы с мужем приходим в ужас: вдруг он ее поцарапает, кровь-то не сворачивается! Кот действительно царапает дочку... Мы цепенеем и ждем самого страшного. А кровь... покапала и перестала».[2]

Последний случай показывает, что главным в исцелении была молитва, а внешние действия второстепенны.

Зачастую поначалу люди и не замечали, что с ними произошло. Только вернувшись домой и придя на очередное медицинское обследование или сдав анализы, к удивлению

---

[1] Остров Божественной любви. С. 390.

[2] Жил на острове подвижник. С. 222.

врачей, они обнаруживали, что от болезни не осталось и следа.

В тех случаях, когда исцеление было тут же явлено болящему, старец часто говорил по евангельски: «Только не оставляйте духовной жизни».

Верующие врачи признавали чудотворный дар старца и изумлялись ему. Известный в Петербурге специалист в области ультразвуковой диагностики А. О. Терещенко рассказывает: «Одна моя пациентка ездила за два года до его кончины к старцу с вопросом: надо ли ей делать операцию по причине камней в почках. Старец ответил: "Пока не надо, а вот через два года благословляю". И крестик дал, как благословение, а потом добавил: "А иконочку передай Нине". Никакой Нины она не знала, так и досталась у нее до времени эта иконочка. А та самая Нина, как выяснилось потом, рвалась в это время на остров и не могла попасть.

И вот через два года обе эти женщины оказались в больнице в одной палате, после операции. Познакомились — и икона нашла своего хозяина».[1]

Главным в чудотворениях-исцелениях старца Николая было то, что он ставил правильный диагноз болезни души и помогал человеку покаяться. Таким образом происходили многочисленные освобождения от пристрастия к табаку и алкоголю, водворение мира в семье, приход к вере людей, проживших долгие годы в атеистическом плену.

---

[1] Остров Божественной любви. С. 313.

И еще: видевшие, как батюшка сострадает больным людям и вообще всем, его посетители учились состраданию друг другу, взаимопомощи, поддержке. А это служило спасению души. Надеемся, что и наш рассказ заставит кого-то проверить себя: как мы относимся к нашим ближним, учимся ли чему-то у батюшки?

Исход в Вечность

По словам врачей, которые постоянно посещали старца на протяжении последних лет его жизни, его физические муки были непрерывными. Но старец никогда не жаловался на свои страдания. Вот что написал об этом профессор Военно-медицинской академии В. А. Гориславец: «При исполнении своего врачебного долга во время продолжительной тяжелой болезни батюшки Николая я особенно отмечал его смирение и терпение. На первый мой вопрос: "Каково Ваше здоровье, дорогой батюшка?" — следовал, как правило, ответ: "Да все хорошо". По прошествии определенного времени пребывания в келии узнавал, что головные боли у батюшки Николая были практически постоянные в течение последних трех лет».

Так же поражался терпению и вере старца священник, приезжавший его причащать в последние годы жизни — протоиерей Валериан Кречетов, духовник Московской епархии. Но он же признавался, что при всех телесных

немощах отец Николай оставался прозорливым старцем. «Отец Николай был непрост. Он не у всех причащался: скажет, что уже поел, — и все. В следующий раз я все поставил, приготовил Святые Дары на столе. Матушка Николая пошла сказать, что отец Валериан приехал его причастить. Батюшка вышел, я спросил: "Батюшка, хотите причаститься?" — "Нет, я уже поел, не буду причащаться". Матушка огорчилась, а я: "Ну что же, батюшка, не будете, — значит, не будете, дело ваше". Он увидел, что я со смирением, не стал настаивать, учить старца, что ему делать, и вскоре сам сказал: "Ну, давай причастимся". Потом он меня как-то спросил: "Батюшка, а вы будете причащаться?" — причастился и я вместе с ним. Дело в том, что молодые священники часто начинали уговаривать: "Нужно", — поучали старца».

И в великой телесной немощи, сковавшей старца в последний год, он продолжал воспитывать близких людей. Тот же отец Валериан вспоминает: «Я знал, что батюшка мог стукнуть по щеке, обычно он бил по левой. То одного похлопает по щеке, то другого. Батюшка с любовью большой это делал. Говорят, что он отгонял этим *его.* За много лет, сколько я ездил к нему, старец никогда меня ни разу не стукнул. Мне даже было грустно оттого, что он меня никогда не тронул, потому что кого Бог любит, того и наказует... Зато потом отец Николай дал мне как следует, да так сильно, что у меня в голове все затряслось. Ну, дождался и я... Я вроде попросил, так он и дал. Старческое в нем было — это несомненно».

Погребение

Старец Николай Гурьянов отошел ко Господу в субботу 24 августа 2002 года в 17 часов 30 минут. Тысячи людей со всех концов России собрались на маленьком острове, чтобы проводить в последний путь своего духовного отца, наставника и молитвенника — великого старца. В погребении участвовали два владыки: архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий и Никон, бывший епископ Екатеринбургский, живущий на покое в Псково-Печерском монастыре, и сорок служащих священников. Переживания сонма паломников, провожавших батюшку в последний путь, прекрасно передал писатель Игорь Изборцев: «Последнее целование... Редкие удары колокола... Звук от каждого удара повисает над островом, а потом, вытесняемый следующим за ним, уплывает прочь скорбным вестником вселенной... Гроб трижды обносят вокруг храма. Плотный человеческий поток, словно самое озеро, выплеснулось на улицы острова. Множество сосредоточенных, самоуглубленных и оттого необыкновенно привлекательных лиц, подкупающих достоверностью переживаемого чувства, — прощания с самым, быть может, дорогим человеком, — лиц подетски чистых, просветленных близостью небесного, вечного. Отброшены неудобоносимые бремена апостасийной действительности. Где вы, химеры мира? Нет вас...

В такие мгновения невольно проникаешься мыслью, что народ действительно —

дитя, нуждающееся лишь в одном Отце — Небесном и увлекаемое к горнему земными пастырями, такими, как отец Николай...

Похоронная процессия движется к месту последнего упокоения старца. Впереди — пожилой мужчина. Он несет крест, бережно прижимая его обеими руками к груди. Это раб Божий Василий — давнее духовное чадо батюшки Николая... Некогда старец благословил Василия на строительство храма в честь пророка Божия Илии в Островском районе. Места там глухие, разоренные лихолетьями и настолько отдаленные от каких-либо денежных потоков, что местным крестьянам самим впору идти по миру с кружкой для пожертвований, однако батюшка, благословляя, успокоил: "Построите с Божией помощью".Теперь храм построен и действует — о. Николай не говорил пустых слов!

Святейший Патриарх Алексий II назвал протоиерея Николая Гурьянова одним из столпов русского старчества, отметив, что отец Николай имел не только огромный жизненный опыт, но и неистощимую любовь к людям; что, несмотря на свой преклонный возраст, отец Николай старался каждому приходящему к нему сказать ободряющее слово, духовно укрепить скорбящих. Весть о кончине быстро разнеслась по всей России, и во многих храмах стали возносить молитвы о упокоении души новопреставленного раба Божия протоиерея Николая.

"Уход такого человека — невосполнимая потеря не только для родных и близких, но и

для всех его духовных чад, — сказал Святейший Патриарх. — По-человечески жаль, что в нынешней жизни более не будет возможности обратиться к отцу Николаю за советом, за духовной поддержкой"».[1]

По прошествии времени исполняются слова батюшки: «*Когда я уйду, то будете приезжать ко мне на остров, как и прежде*». Паломничество на остров не иссякает, по-прежнему люди получают исцеления от «иерусалимского маслица», которые ныне налито в лампадку на могиле, получают душевное утешение в открытой для посещения келье старца, молятся в восстановленном старцем храме его небесного покровителя святителя Николая.

Слово жизни

Когда уходят из земной жизни праведники, мы стремимся узнать их завещание. Приснопоминаемый старец Николай оставил нам свое завещание в книге «Слово жизни».

Бледными устами
Священник Слово пел,
Печальными очами
Он на мир глядел.
И клавиши, сроднившись,
С недужными перстами,
В тиши уединившись,
Как будто пели сами.

---

[1] *Игорь Изборцев.* В руце Твои, Господи... С. 120 – 121.

О, сколько в этих звуках
Невысказанной боли...

Таким видели старца, протоиерея Николая Гурьянова, его ближние. Отец Иоанн Миронов вспоминает, как любил старец попеть вместе с кем-то из паломников духовные песнопения, сам аккомпанируя на фисгармонии. «И поплачем вместе, и помолимся — и так хорошо на душе, — рассказывает отец Иоанн. — Батюшка всю жизнь собирал псалмы. Просил, чтобы ему привозили все, что услышишь или найдешь в дореволюционных книгах для народного пения. Многие песнопения он сам положил на ноты. Показывал я рукопись батюшки профессору ЛДА Н. Д. Успенскому — литургисту. Он одобрил. Батюшка потом благословил издать книгу "Слово жизни". Вот уже три раза она переиздавалась. В ней — вся жизнь батюшки. Ни одной минуты он не пропускал, как мы грешные, вся жизнь его — с Богом и ради Бога прожита».

После этих слов отца Иоанна мы попробовали по-новому перечесть «Слово жизни». И дерзнуть написать о том, что открылось в этом молитвенном чтении. Да, книгу старца нельзя читать как обычную книгу стихов, вникая в эстетические достоинства. Вообще эту книгу не стоит — как это делают некоторые — оценивать с точки зрения художественности. Не для этого она собрана, составлена и издана. А для чего же?

Вот что сказал духовный сын старца иеромонах Нестор (Кумыш): «Вы замечали, что

отец Николай часто спрашивал: "А у вас есть моя книга?" Дарил ее, если у человека ее нет. И добавлял: "А ты пой по ней". Я на себе это испытал — какую благодатную помощь оказывают песнопения из "Слова жизни". Каждый человек, живущий духовной жизнью, знает периоды уныния. Это тяжелейшее состояние, когда даже молиться не можешь. И вот именно тогда помогает пение этих бесхитростных, простых, на первый взгляд, кантов. Через них получаешь благословение старца, его помощь. Потому что они отражают ту борьбу, которую перетерпел он сам, и дают приобщиться к его опыту преодоления немощи человеческой благодатию Божией».

...Ступи ж Божественной стопой
На волны сердца моего,
Оно умолкнет пред Тобой
И вкусит мира Твоего.

...Дух, скорбию стесненный,
Сдавила грусть свинцом,
И в плоти моей бренной
Под тяжким я крестом.

Все собранное в «Слове жизни» — это свидетельства о Божьей благодати. Это рассказ, от страницы к странице, о том, что такое благодать и как она действует в человеке. Поэтому эти стихи не сопоставимы ни с какой светской поэзией: там на первом месте стоит «я» автора, а здесь — благодать Божия. И даже включенные в сборник хрестоматийные

произведения М. Лермонтова, Г. Державина, А. Хомякова, Ф. Глинки, Я. Смелякова преображаются — они становятся в иной ряд, не в тот, в каком существуют обычно (творческий путь того или иного поэта). В «Слове жизни» важно не то, кто написал эти стихи, а о чем они. Эта книга составлена как памятник соборного творчества. Вспоминаю, как вместе с детьми мы пели «О, дивный остров Валаам» на палубе теплохода, заходя в монастырскую бухту. Было чувство, что через это пение мы общались с отшедшими поколениями, с теми, кто до нас пел эти слова на том же самом месте. С теми же чувствами поют паломники кант «Гора Афон, Гора Святая», подплывая к Пантелеимонову монастырю на Святой Горе. «Прощай же, обитель святая» — этот кант пели старушки-монахини, поминая закрытый монастырь, и этим пением приобщали молодое поколение к тем переживаниям, которые выпали на долю исповедников Христовых в нашей стране в начале XX века.

Низкий-низкий поклон батюшке Николаю за то, что он собрал все эти воздыхания народной души и соединил их под одной обложкой. Они — правда о Руси народной, о той, которую так старательно уничтожают уже почти столетие. В «Слове жизни» звучит бесхитростный, чистый народный голос простых прихожан, которых так мало осталось... Ведь мы — молодое поколение — в основном все «умники», сухие рационалисты, эстеты, «богословы» и прочие специалисты. И нам так нужно напоминание, что главное в жизни —

не эти «достижения», а ласка, тепло, любовь, всепрощение, родственное внимание к людям.

Все эти песнопения — дар нам, плененным «окамененным нечувствием». Они — если их петь, а не читать, как обычную книгу стихов, — могут расшевелить душу, разбудить ее, размягчить. В «Слове жизни» перед нами предстает картина народных бедствий: сиротства, вдовства, бесприютности, пьянства. Мы видим образы великих страданий Богочеловека, Его Матери, Его святых. Мы слышим слова утешения ко всем страждущим и унывающим, призыв стремиться «от тленности земной к вечности небесной». И так хорошо, когда прихожане во внебогослужебное время поют все вместе... Для того, чтобы петь стихиры, каноны, тропари, нужно знать нотную грамоту, да и церковнославянский язык неплохо знать — не всем это под силу, а вот эти простые

слова, подобранные к простой мелодии, для всякого доступны.

Дух книги отца Николая можно сравнить с духом писаний преподобного Силуана Афонского — это то же предстояние Творцу за весь страждущий мир, это «Адамов плач» за всех и за вся, это оплакивание земной жизни перед лицом грядущей смерти и Суда.

Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым, промчалась жизнь моя,
И двери смерти страшно тяжки,
Уж недалеки от меня.

Часто повторял старец эти строки приезжающим к нему паломникам. Посылал их помолиться на кладбище, что напротив его домика, где могилка его мамы, а теперь и его могила. Там на память приходит песнопение «И мы будем таким...».

Познай, откуда ты и кто,
Зачем пришел, куда идешь.
Что ты велик, и ты — ничто,
Что ты бессмертен, и умрешь.

Перелистывая «Слово жизни», мы как будто слышим беседы старца с Господом. Они рождены желанием воспеть, прославить то, что дорого, выплакать то, что тяготит, — в них живая душа. Они нам показывают, что такое живая душа, душа, которая «скучает по Богу и слезно ищет Его». Душа, которая «бегает бессловесия», которой недостаточно только «выполнять

правила», она живет жаждой выразить Творцу и Создателю все свои движения — и скорбные, и угнетающие греховным наваждением, и радостные. «Слово жизни» — это разговор со своей душой, это, как сказано в предисловии к книге, — «проповедь самому себе».

Вот он, блаженный пустынник,
взыскующий
Века грядущего благ неземных.
Вот он, в скорбях, как мы в счастье,
ликующий,
Душу готовый отдать за других!

...Силою он одарен благодатною:
Чуткой душой прозревает он вдаль,
Видит он язвы людские, невнятные,
Слышит он вопли, — и всех ему жаль...
Учит искать он богатство нетленное,
Чтоб не владела душой суета, —
Ибо все мира сокровища бренные
Нашей душе не заменят Христа!

Когда поешь или читаешь это стихотворение Леонида Денисова о преподобном Серафиме из книги «Слово жизни», видишь не только во славе Отчей пребывающего преподобного, но и нам на утешение данного смиренного старца Николая с Талабского острова. Сам он о себе в конце книги говорил:

А я? Лишь утро наступает,
Стою пред образами.
Вам в помощь Бога призываю,
С надеждой, верой и слезами.

Прошу я Необъятного,
Не познанного Вами,
Спасти от неприятного
Семью и Вас с друзьями.

«Отец Николай для нас как скорая помощь, — сказал мне один паломник, — и не только при личной встрече он помогал, но помогает и через вылившиеся из его души слова, положенные на ноты в "Слове Жизни"». Помогает и после блаженной кончины своей. Как он сказал одной паломнице, подарив ей свою книгу и прижав ее к сердцу: «Я тебе все сказал», благословил черпать со страниц собираемой им почти всю жизнь книги, ответы на трудные духовные вопросы.

Краткие изречения старца Николая

Чтение старцем Николаем одних и тех же стихов разным людям, так же, как и вынужденные прилюдные исповеди у калитки, созидали то, что можно назвать высоким словом соборность, а попросту: делали всех родными, близкими друг другу, народом Божиим.

Поэтому мы считаем, что и те краткие изречения старца, которые запомнили и записали отдельные люди, значимы не только для того человека, к которому они были обращены, но и для всех нас.

Батюшка вообще говорил мало, видимо, он был от природы молчалив, потому его

редкие высказывания были афористичными — в одной фразе заключалась целая жизненная программа. Потому так ярко запоминалось все, сказанное старцем.

Краткие изречения мы извлекли из вышеназванных воспоминаний и писем старца.

«Будьте всегда радостны, и в самые тяжелые дни вашей жизни не забывайте благодарить Бога: благодарное сердце ни в чем не нуждается».

«Ты не рвись, а молись святому (тому, кому был посвящен храм), и он все устроит».

«Все слава Богу! Все будет хорошо. Господь поможет».

«Живи просто — доживешь до ста».

«Пекись о своем мире душевном, вот и в мире будет порядок».

«Радуйтесь, ведь вы с Богом».

«Радуйтесь, что вы верующие, православные».

«Ходи в храм и веруй Господу. Кому Церковь не мать, тому Бог не отец. Смирение и молитва — главная. Одна черная одежда — еще не смирение».

«Поздравляю вас с очищением совести» (после исповеди).

«А ты хорошо выучил, как пишутся частицы "не" и "ни"?»

«Положитесь, дорогие мои, на волю Божию, и все будет так, как вам нужно».

«Мы с вами, мои драгоценные, самые счастливые, потому что Господь с нами, Царствие небесное здесь и Ангелы Божии рядом...»

На вопросы отец Николай обычно отвечал кратко: «Благословляю... Не надо... Пусть потерпит... Не скажу... Все будет хорошо». Чаще всего говорил: «Надо помолиться».

«Скорбеть — терять благодать Божию, а надо радоваться и веселиться».

«Мы должны побеждать зло добром, а сами не должны побеждаться злом».

Иносказание о нашем состоянии и общем состоянии мира: «Облака, осень скоро, холодает, а потом зима, лед, а по льду скользко ходить. А мы еще и танцуем. Так можно упасть и разбиться».

«Только не оставляйте духовной жизни».

«Ведь какое счастье, мои драгоценные, что вы сохранили Истинную Веру» И если кто будет вам обратное говорить, не верьте. Ведь это мы сейчас в гостях, а потом все пойдем домой. Но, только, мои драгоценные, горе будет нам дома, если мы в гостях были, да что-то нехорошее делали.

Мы сейчас в гостях, а пойдем домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Но там, дома, двоякое направление жизни — там вечная радость для праведников и страшный геенский огонь для грешников. И это не какие-то выдумки, нет, это — Истина.

Я только хочу сказать вам, мои драгоценные, берегите растительный и животный мир... Ведь посмотрите, как все Бог устроил».

«Надо жалеть неверующих людей и всегда молиться, чтобы Господь их избавил от вражеского помрачения».

«Человек рожден для того, чтобы беседовать с Богом».

«Радуйтесь и благодарите Бога, что вы родились в России, что вы — православные».

Любил повторять псаломские слова: «Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие».

«Никогда не снимайте крестик. Читайте утренние и вечерние молитвы обязательно».

«Можно спасаться и в семье и в монастыре, только живи свято мирной жизнью».

«Цель нашей жизни – вечная жизнь, вечная радость, Царство Небесное, чистая совесть, покой — и все это в нашем сердце».

«В первую очередь любите труд, Отечество, человека и помните изречение Слова Божия: «Трудящийся да яст», то есть кто работает, тот и ест».

«Не огорч тесь, Роднуша, за посещение неприятностей, это — спутники жизни в наших оздоровлениях».

«Свет Божий не без добрых людей. И вы, в свою очередь, будьте со всеми в любви и светлой радости».

«Милая сестрица, принесем в жертву Спасителю нашему все свои лучшие чувства: волю, любящее сердце, крепкую Веру. И будет пребывать Господь в сердцах наших ныне и во веки».

Проходят годы, мы вспоминаем те или иные слова старца и только сейчас начинаем понимать, почему он так говорил, что значили его слова.

Из всех вышеприведенных слов, да и из всего жизнеописания старца Николая, мы

можем составить ответ на вопрос: чему учил батюшка людей? — Учил духовному бодрствованию (или трезвению) и собранности, терпению, послушанию, скромности, устремленности к Вечности, при этом — бережливому отношению к ближним, жалости, скромности, трудолюбию, стремлению к постижению воли Божией и недопущению уныния. В целом — не головному мудрованию, а устремленности к жизни по евангельским заповедям.

«Слава Богу за все, слава Богу за все, слава Богу за скорбь и за радость!»

Посмертное почитание старца Николая

«В память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится». Эти слова из церковного песнопения вполне приложимы к приснопоминаемому протоиерею старцу Николаю Гурьянову. Память о нем не оскудевает. После его кончины вышли в свет уже несколько книг с воспоминаниями, фильмы о нем, аудиозаписи, тиражируются фотопортреты старца.

Одновременно распространяются и «слухи злы», которые направлены на то, чтобы вызвать раскол среди верующих, но память старца «от слуха зла не убоится».

Поток паломников на остров к старцу не уменьшается, из года в год в день его памяти у скромного домика, который теперь открыт для посетителей, на кладбище у могилки

батюшки собираются сотни почитателей подвижника. Они делятся друг с другом рассказами о том, как батюшка помогает им и после кончины, о том, что его фотографии издают благоухание, а в некоторых случаях замечено и мироточение.

Свидетельства о святости старца паломники получают и на Афоне, и в Иерусалиме. У многих афонских монахов (необязательно русских) есть портреты старца. Так, один из паломников рассказывает: «Когда мы были на вечерней службе в сербском монастыре Хиландаре, духовник принимал у меня исповедь. Я решил подарить ему фото отца Николая, так как взял с собой целую пачку, чтобы дарить людям. Он взял фотографию, посмотрел и сам назвал имя: "Отец Николай!" И убрал фотографию к себе в шкафчик. Потом я узнал, что духовники некоторых афонских монастырей,

в том числе и отец Тихон из Хиландаря, приезжали на остров к батюшке Николаю. Для меня это поразительно. Ведь Святая Гора — центр сосредоточения монашеского опыта более тысячи лет. Можно сказать, что это "институт старчества", здесь возросло много старцев, в том числе современных. И вот с Афона монахи ехали на какой-то далекий остров в России, чтобы увидеть святого».[1]

Думается, что все паломники, которые хотя бы раз посетили нашего любимого батюшку, старца протоиерея Николая, никогда не забудут этих минут общения с ним и тех чувств, которые они прожили сообща. Это — прочный фундамент того народного почитания, которое, веруем, со временем будет только шириться. Ныне о старце через книги

---

[1] *Белов А.* Путеводная звезда // Остров Божественный любви. С. 392.

узнают и люди, никогда не бывавшие на острове, и они чувствуют «благоухание святости», что исходит от всего облика старца и стараются «приникнуть к святыне». Хотя здесь хочется предостеречь от самодеятельности, которая противна смиренному и послушническому духу старца Николая. Появились самодеятельные иконы и акафист, составленный столь безграмотно, что обличает незнание его составителем самого жанра этого сугубо церковного молитвословия. «Кому Церковь не мать, тому Бог не отец» — говорил батюшка. Когда Церковь официально прославит угодника Божия, тогда будет составлен канонически правильный акафист, будут написаны канонически безупречные иконы. А сейчас, как делал это и сам батюшка по отношению к непрославленным подвижникам, мы можем поставить на полочку его портрет и поминать старца на келейной молитве, прося: «Помяни Господи во Царствии Твоем присно поминаемого протоиерея старца Николая и его святыми молитвами помилуй нас грешных».

Посещая могилку старца, мы можем обращаться к нему, как к живому (как заповедывали все наши подвижники), просить его помолиться о нас, чтобы Господь управил нашу жизнь по Его святой воле, чтобы помог и защитил наших ближних, чтобы сохранил Отечество наше от «глада, мятежа и междоусобные брани», да и сколько еще воздыханий сердечных готов услышать наш любвеобильный батюшка. Потому что любовь не умирает.

И давайте не будем обличать друг друга, не будем вспоминать ошибки и грехи других людей (даже в книгах, посвященных самому батюшке), не будем «приватизировать старца» (как будто кому-то он открылся полнее, чем всем остальным, и только кто-то один имеет право писать и говорить о нем), а напомним себе вечную истину, что «именно любовью христиане должны отличаться от других людей, именно по наличию любви Господь узнает Своих чад».[1]

---

[1] *Иг. Николая (Виноградова)*, строительница Московского Иоанно-Предтеченского монастыря //Жил на острове подвижник. С. 172.

Содержание

Любовь, ко Господу ведущая. Старец Николай Гурьянов

Составитель: Л. А. Ильюнина
Редактор: И. М. Ольшанская
Корректор: И. М. Ольшанская
Верстка: Р. Б. Рудницкий
Фотографии: Л. С. Иванова
Дизайн: К. Э. Адамсон

Подписано в печать 16.12.2009. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Объем 8 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 3163.
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.

Старец Николай
не заслонял собой Христа.
Он весь был – любовь,
ко Господу ведущая.